

Олег Волков

БЛАГОДАТНЫЙ МИР

16+

Annotation

Каково это родиться в секте, в глухой тайге, и всю сознательную жизнь иметь весьма превратное представление о том, что творится в Большом внешнем мире? Если верить священнику и старикам, то люди в Большом внешнем мире давно продали душу дьяволу и покорились бесовским машинам. Но так ли оно на самом деле? Вот уже четыре года Юрий Сварин тайком наблюдает за крошечной частичкой Большого внешнего мира. И то, что он видит, ни как не соответствует словам священника и стариков. Сомнения рвут душу Юрия на части. Но вот чего он никак не мог представить, так это то, что однажды Большой внешний мир сам нагрянет к ним в деревню. А чуть позже перед Юрием встанут два невероятных вопроса: «Что это было?» и «За что?». Трилогия «Большой внешний мир» – 1.

Олег Волков

Благодатный мир

Глава 1. Люди Большого внешнего мира

Зелёный куст словно ширма: большой, раскидистый. Сидеть под ним на подогнутых коленках не очень удобно, ноги затекают, но Юрий привык. Да и какие его годы? Вот будет у него седая борода, будет за счастье просто наклониться и поднять с земли старый гвоздь. А пока...

Едва заметный ветерок лениво колышет раскидистые ветки над тихой лесной речушкой Шушбай. Заодно приятно освежает разгорячённое лицо. Да ещё комары, исчадь ада, почти не докучают. Зелёные листочки то и дело налезают на глаза и шлёпают по щекам, зато люди на том берегу его не видят. По крайней мере, Юрий на это очень надеется.

Почти конец мая, скоро лето. Высоко над головой сияет ослепительное Солнце. Но здесь, в тени берёз и кустов, прохладно, едва ли не холодно. Между стволов то и дело разносится треск дятла и пение птиц. Совсем рядом, в молодой сочной траве, басовито гудит шмель. Тайге и её обитателям нет никакого дела до одинокого человека, что притаился под кустом. Неширокая Шушбай тихо и почти незаметно несёт свои тёмные и жутко холодные воды куда-то далеко на юг. Туда, куда не то что Юрий, а вообще никто из его деревни не хаживал. Но, гораздо больше пения птиц, гудения шмеля и холодных речных вод, Юрия интересует то, что происходит на том берегу Шушбай.

Не так давно на том берегу тоже была самая обычная тайга. Старые берёзы и ели, густые кусты и подлесок. Но два дня назад сюда пришли большие и чудные машины. Одна из них огромной железной ручищей то и дело нежно обхватывает толстые стволы деревьев. Под бешеный визг пилы мелкие опилки разлетаются во все стороны белым облачком. А потом железная ручища легко поднимает ствол над низеньким пеньком. Но это ещё не всё.

Железная ручища играючи наклоняет только что спиленный ствол почти до земли. Снова визг пилы и облачко опилок. Юрий понятия не имеет, как это возможно, однако ствол берёзы, или, как сейчас, сосны очень быстро проскакивает через стиснутые железные пальцы. Ветки и сучки только так отлетают в стороны. Последней на землю падает тонкая вершина. Визг пилы стихает. Железная ручища перехватывает ствол за середину. Как Юрий давно догадался, это чтобы было удобней.

Рядом с машиной, что валит деревья, замерла ещё одна. У неё большие ребристые колёса и длинный кузов. Железная ручища ловко и аккуратно опускает только что спиленный ствол в этот самый кузов и принимается за следующее дерево. От восторга Юрий время от времени тихо ахает. Как же быстро и легко у машины получается валить лес. А ведь бригаде из пяти здоровых мужиков придётся возиться гораздо больше, чтобы повалить точно такую же сосну и срубить все ветки. А ещё нужно перетащить ствол на телегу и как следует закрепить. О-о-о! Юрий закатил глаза. Это не только долго, а ещё тяжело. Ему уже не раз приходилось помогать взрослым на заготовке леса. Каждый раз он возвращался домой с натруженными руками и спиной. Но и это ещё не всё.

Прямо на глазах делянка расширяется. Немного в стороне, где лес уже спилен, туда-сюда ползает ещё одна машина. По сравнению с той, что валит лес, она маленькая совсем. Это как собака рядом с упитанным бычком. Зато у неё целых две железных руки. Машина подбирает с земли самые толстые ветки и отрубленные вершины. Снова визг пилы и белые опилки. Совсем уж мелкие веточки, венчики зелёных иголок или листья разлетаются в стороны. И вот толстую ветку или вершину одна из рук переносит в кузов на спине машины. Юрий не

сразу сообразил, что это дрова. Пусть не самые лучшие, кругляк горит неважно, но не пропадать же добру.

Последняя машина нравится Юрию больше всего. По размерам она несколько меньше той, что валит деревья, но заметно больше той, что подбирает толстые ветки и вершины на дрова. Самое забавное, её колёса будто стянуты так называемой чёрной гусеницей (отец как-то проболтался, как эта штука называется). Словно добрый мускулистый конь эта машина ползает по вырубке и перепахивает землю. Тонкие пеньки и корни оглушительно трещат под её плугом. Ну а если пенёк достаточно большой, то на него сверху опускается огромный железный коловорот. С шумом и шелестом пенёк превращается в широкие, словно длинные ленты, опилки. Коловорот погружается в землю почти на локоть.

И вот, пенёк больше нет, машина двигается дальше. Это после неё вместо вырубки остаётся самое настоящее поле. Хоть сразу зерно бросай и коня с бороной пускай. Юрий плотно сжал губы и завистливо просипел. Вот им бы в деревню такую машину.

Тихое жужжание, словно с небес спускается тьма-тьмуца шмелей разом. Юрий поднял голову. О-о-о... А это самая чудная, самая интересная машина, пусть и самая маленькая. Про себя Юрий назвал её летуном. Броская красная расцветка. Тело небольшое, как у кошки с четырьмя хвостами в разные стороны. Юрий понятия не имеет, как эта машина летает. Наверно, это как-то связано с четырьмя «хвостами» по бокам летуна. Как бы то ни было, самая маленькая машина умеет висеть над землёй словно стрекоза.

Было дело, Юрий невольно улыбнулся. Когда летун в самый первый раз пролетел над ним, то он жутко перепугался. Не дай бог, это адское отродье спикирует на него, словно коршун на глупую голубку! Однако самая интересная машина не обратила на него никакого внимания, будто Юрия вообще нет. Красный летун задумчиво завис над только что вспаханной землёй. Но это было не здесь, а в другом месте. Это уже после Юрий привык к равнодушному жужжанию летуна и его колдовскому умению неподвижно висеть над землёй. Хотя, признаться, именно это и поразило Юрия больше всего.

Вот уже четвёртый год Юрий тайком от родителей и односельчан, а, в особенности, от отца Кондрата, навевается к Шушбай и наблюдает за машинами на том берегу. А потому он прекрасно знает, что будет дальше. Ага, вот и она, Юрий радостно улыбнулся. Откуда-то из глубин леса выкатила ещё одна машина. С рычанием и визгом она принялась втыкать в землю саженцы кедра. Каждое растение высотой Юрий по пояс, или чуть выше. Причём, это не глупость, тем более не безумие адских машин Большого внешнего мира, а хорошо задуманное дело.

Посадочная машина размером с телегу. Неторопливо, но с каким-то достоинством, она поползла по только что вспаханной земле. За ней протянулся длинный ряд молодых кедров. Машина уедет далеко от берега Шушбай, но потом обязательно вернётся, чтобы начать новый ряд молодых кедров. А потом ещё и ещё раз.

В первый раз Юрий не сразу сообразил, зачем машины валят лес и сажают кедры. Тайга сама по себе растёт. Впрочем, как часто говорит отец, лес всё равно нужно беречь. В первую очередь на дрова рубят сухие и мёртвые деревья. Живые – только по мере надобности. Там, для новой избы, иди длинные жердины для забора или ремонта крыши. Однако никто и никогда из односельчан не сажал берёзы, ели, ёлки или хоть те же кедры. Да и надобности в этом нет. Юрий специально несколько раз навевался на старые вырубки. Сквозь траву, корни и сухие пеньки и так дружно прорастают новые берёзы, ели, ёлки и те же кедры.

Правда открылась, когда Юрий специально прогулялся вдоль берега Шушбай. Буквально

за день он заметил ещё несколько полей с посаженными деревьями. Это даже удивительно, как дружно и бойко многочисленные молодые кедры пошли в рост. Ещё одна небольшая машина шумно и быстро косила рядом с ними густую траву. Через несколько десятков лет вырастет не просто хороший лес, а красивый лес. Каждый кедр будет как на подбор высокий, гладкий и стройный. Вот из таких бы избу построить. Юрий мечтательно закатил глаза. Наверное, это была бы отличная изба, просторная и очень тёплая.

О! Вот и они! Юрий тут же пригнулся, чуть было не распластался прямо на земле под кустом. Коварная ветка чуть было не стеганула его прямо по глазам. На том берегу появились люди. Мужчина и женщина. Оба одеты в чудные одежды. В родной деревне ни у кого ничего подобного нет. Да, это какая-то ткань, но явно не шерсть или лён. Да-а-а, Юрий завистливо вздохнул, в Большом внешнем мире умеют ткать и шить. Светло-зелёные штаны и куртки висят на людях мешками. На ногах чёрные сапоги. Пояса перехвачены кожаными ремнями. Головы прикрыты чудными шапками с длинными полукруглыми козырьками. Как обычно, у мужчины за спиной такой же светло-зелёный рюкзак. Именно рюкзак с большими карманами и широкими лямками, а не простенький вещмешок с пеньковой верёвкой.

Как обычно, мужчина принялся с умным видом ходить вдоль первого ряда только что посаженных молодых кедров и махать руками. Женщина, с ещё более умным видом, следует за ним. Она то кивает, то отрицательно мотает головой. В её руках странная дощечка, почти квадратная, плоская и чёрная. Время от времени женщина тычет в неё тонким пальчиком. Юрий и так и эдак ломал голову, но так и не смог понять, зачем она это делает. Будь у неё в руке карандаш или гусиное перо, то было бы понятно. А так... Юрий нахмурился и недовольно просипел носом. Самое печальное, старики в деревне знают, точно знают, что это за странная дощечка в руках у женщины и зачем она нужна. Знают, только не скажут. Точнее, скажут, только отцу, или даже отцу Кондрату.

Не то что за четыре последних года, а вообще за всю свою жизнь Юрий никогда не видел других людей из Большого внешнего мира. Только этих мужчину и женщину. Едва ли не на каждой проповеди отец Кондрат рассказывает жуткие вещи о машинах, как они покорили людей, как заключили их в свои адские чрева и прочие ужасы. Юрий верил, долго верил, и внимал с раскрытым ртом. Однако, четыре года назад, на берегу реки Шушбай, его постигло жуткое удивление. Чтобы там отец Кондрат не говорил, но эти мужчина и женщина повелевают машинами, что валят лес, перепахивают землю и сажают молодые кедры. Да, именно так.

Один раз Юрий собственными глазами видел, как мужчина залез во внутренности машины, что валит лес. Чем именно он там занимался, Юрий так и не понял. Женщина была рядом. Она то и дело подавала мужчине всякие блестящие штуки. Через Шушбай то и дело долетал лязг металла и ругань. Потом мужчина вылез наружу, и... И машина заработала, опять заработала. Большая железная ручища обхватила очередную сосну под основание ствола и принялась её пилить.

В другой раз мужчина что-то крикнул, крикнул громко, и махнул рукой. Машина, что собирала толстые ветки и вершины, послушно замерла на месте. Мужчина подошёл к ней ближе и что-то произнёс. Юрий не понял, что именно, однако машина прекрасно поняла. Она тут же развернулась и уехала. После такого Юрий уже не стал удивляться, когда в другой раз прямо на берег Шушбай выкатила большая чёрная машина на колёсах. Мужчина и женщина вышли из неё.

Большая чёрная машина весьма отдалённо похожа на телегу, только выше. Мужчина и

женщина постоянно катаются на ней. Из задней части мужчина вытащил яркую красную коробку и направился к машине, что пашет землю. Получается, что большая чёрная машина не только возит людей, но и разные тяжести. Для её больших ребристых колёс не помеха и мягкая лесная подстилка, и мокрая после дождя земля, и даже болотина.

Юрий никому не стал рассказывать, даже лучшему другу Антипу, что всякий страх перед машинами и людьми из Большого внешнего мира у него давно развеялся как дурной сон поутру. Да и, откровенно говоря, отец Кондрат больше не кажется всезнающим и мудрым человеком. Не помогло даже то, что деревенский священник – едва ли не единственный, кто умеет читать и правильно понимать Библию.

Мужчина остановился перед женщиной и принялся что-то ей объяснять. В ответ женщина лишь рассмеялась, а потом направилась к машине с ребристыми колёсами. Мужчина ещё немного помахал руками, но, видимо, так и не сумев убедить женщину в собственной правоте, направился следом. Двери хлопнули, машина тихо взревела. Из-под ребристых колёс фонтаном вылетела жирная грязь. Люди уехали.

Дела... Юрий с трудом поднялся с места. От долгого сидения на коленях затекли ноги. А всё из-за того, что наблюдать за машинами жуть как интересно. А за людьми из Большого внешнего мира ещё интересней. Юрий осторожно выбрался из-под защиты куста. Впрочем, он знает, что будет дальше.

Сегодня суббота. Сам бог велит прилежно трудиться лишь первую половину дня. Во второй половине полагается наводить в доме и на дворе порядок. Люди из Большого внешнего мира почти так же почитают субботу. По крайней мере, в первую половину дня они так же прилежно работают, хотя и на свой манер. А вот во вторую половину дня они предпочитают отдыхать. Даже завидно.

Старенькие лапти тихо шуршат по зелёной молодой траве. Над головой во всю поют птички. Тайга тиха и спокойна. Между ветками то и дело мелькают рыжие беличьи хвосты. Ни волкам, ни медведям сейчас не до людей. Однако Юрий всё равно пугливо поглядывает по сторонам. Гораздо больше лесных хищников его страшит встреча с односельчанами. Отец, ещё ладно. Не приведи господь напороться на отца Кондрата. Юрий нервно передёрнул плечами. Тогда отделаться обычными подзатыльниками не получится. Но нет, на этот раз повезло. Юрий торопливо прошёл выше по течению Шушбай, но так ни на кого и не наткнулся.

Берег тихой лесной речушки не отличается высотой. Трава и кусты спускаются к самой кромке воды. Длинные ветки сосен и берёз нависают над рекой. Но на той стороне тихое течение основательно подмыло берег. Приятный золотистый песок просыпался маленьким уютным пляжем. Именно на этом месте люди из Большого внешнего мира очень любят отдыхать.

Очень кстати напротив маленького пляжа раскинулся ещё один куст, даже заросли, весьма плотные и ветвистые. Юрий едва успел присесть на траву и пригнуться, как с того берега Шушбай долетело тихое урчание. С узкой дорожки в две широкие колеи на маленький пляж выкатилась та самая чёрная машина, что немного похожа на телегу. Спереди, сквозь слегка изогнутое стекло, иногда можно разглядеть мужчину и женщину. Особенно, если Солнце светит прямо на машину.

Быстро и ладно люди из Большого внешнего мира развернули большую чудесную палатку. Юрий в очередной раз лишь тихо просипел от восторга. Это не какой-нибудь простенький шалаш из полотна, веток или шкур. Нет. Это едва ли не дом всё из той же

плотной и яркой ткани, из которой сшита одежда людей из Большого мира. Треугольный скат, как у настоящей избы. Вход закрывается на какую-то странную штуку. В родной деревне Юрий не видел ничего подобного, но это точно не пуговицы. Достаточно махнуть рукой, будто провести пальцами по стене палатки, как с тихим скрежетом вход в неё либо открывается, либо закрывается.

О-о-о... Начинается. Мужчина вытащил из багажника машины несколько охапок дров и сложил их возле каменного очага. Всё, что осталось женщине, так это сложить их кучей и поджечь. Какая там береста! Аккуратная куча в каменном круге сбрызнута какой-то водой. Женщина поднесла огонёк, Юрий затаил дыхание, и вот уже на маленьком пляже во всю дымит и трещит костёр. И что это за вода такая странная, от которой огонь не гаснет, а только ярко вспыхивает?

А теперь самое волнительное. Юрий нервно опёрся ладонями о землю. Сердце заколотилось, а дыхание само собой вдруг стало глубоким и едва ли не мучительным. Кажется, будто он взвалил на себя тяжеленный куль с мукой и потащил его аж на другой конец деревни. В первый раз Юрия вообще прошиб пот. А всё из-за того, что женщина, ничуть не стесняясь, разделась почти догола прямо возле палатки. Всё, что на ней осталось, так это необычайно тонкие ярко-красные трусы и ещё более тонкий такого же цвета лифчик. Да и мужчина, тоже без всяких смущений, разделся и остался в одних чёрных трусах.

С лёгким хлопком женщина расстелила на песке большое жёлтое полотенце. Добротное полотенце, с бахромой по краям и каким-то рисунком. Юрий едва не подавился собственной слюной, когда она растянулась на нём в полный рост. Это она так загорает на Солнышке. Ближе к концу лета её гладкая кожа станет приятного светло-коричневого цвета. А вот мужчина тратить время на всякую фигню не стал. Всё из той же машины он вытащил две удочки. Две чудесные удочки, длинные, лёгкие и гибкие. Юрий лишь завистливо вздохнул. Ни у кого в деревне нет таких удочек. Между тем, на тёмной глади Шушбай заколыхались два синих поплава. Мужчина положил обе удочки на специальную подставку, а сам сел рядом на маленький складной стульчик.

Дела... Юрий перевёл дух. Когда на его глазах женщина из Большого внешнего мира в первый раз разделась почти догола, он пережил самый настоящий шок. Ни одна баба или девка в его родной деревне ничего подобного позволить себе не может. Всё равно не может, даже у себя во дворе за высокими заборами со всех сторон. Да и мужики, если честно, если и появляются на деревенской улице в одних портках, то исключительно пьяные в стельку. Но и такое бывает очень редко, и каждую такую выходку бабы у колодца, да и прочие односельчане, обсуждают целый месяц.

Ещё в первый год Юрий понял, что мужчина и женщина – супруги. Время от времени они забираются в палатку и тщательно закрывают за собой вход. По шорохам и ахам нетрудно догадаться, чем они там занимаются. У Юрия вообще сложилось впечатление, что мужчина специально для этого дела и разбивает палатку на берегу Шушбай. Ибо ночуют они в ней редко. Зато каждую субботу на углях жарят мясо или, если у мужчины бывает хороший улов, рыбу. Если же рыбалка особо не задалась, то мужчина варит на костре уху. Каждый раз ветерок разносит по округе такой обалденный запах... Каждый раз Юрий едва не захлёбывается слюной.

Вот уже четвёртый год Юрий урывками подглядывает за машинами, что валят лес, пашут землю и сажают кедры. Ещё больше ему нравится подглядывать за супругами, что жарят мясо и рыбу. Крошечная частичка Большого внешнего мира каждый раз завораживает

Юрия, тянет к себе, манит. Большой внешний мир больше не кажется ему злым и страшным, как едва ли не на каждой проповеди вещает отец Кондрат. Юрий печально опустил голову, пальцы стиснули прохладный дёрн. Нет, скорее, наоборот.

Вещи людей из Большого внешнего мира поражают воображение. Вроде как, такие же сапоги, шапки, штаны и куртки, как у жителей Вельшино. Но, Юрий пригнул голову и скосил глаза, всё равно другие, какие-то более хорошие, красивые, удобные, что ли. Особенно удочки и палатка. А о большой чёрной машине, в которую не нужно впрягать коня, даже речи нет.

Да и сами мужчина и женщина не такие, как односельчане. Да, они муж и жена, однако мужчина не орёт на женщину благим матом, не обзывает её коровой и не распускает руки. В свою очередь женщина не шипит на него как кошка на собаку, не дерётся скалкой или веником, не обзывает лентяем и пьяницей. Конечно, как там оно на самом деле, то лишь господь ведаёт. Однако на глазах Юрия супруги из Большого внешнего мира не то, что ни разу не ругались, даже не повышали друг на друга голос. Наоборот! Будь они одного пола, либо мужчины, либо женщины, то можно было бы подумать, что они лучшие друзья или близкие подруги.

Однако самый большой шок в своей жизни Юрий пережил в прошлом году. Однажды в субботу, где-то в середине лета, мужчина спустил на воду чудную лодку. Юрий так и не понял, из чего она сделана. Вроде как из чёрной ткани, однако мужчина надул её словно мыльный пузырь, а воздух из неё так и не вышел. В общем, с этой самой чудной лодки мужчина решил порыбачить. Женщина, что удивительно, запросилась к нему в компанию. Супруги, как и были почти голые, так и выплыли в той чудной лодке почти на середину реки. И вот тогда, впервые в жизни, Юрий потерял дар речи.

Да и как враз не разучиться говорить, когда женщина вдруг повернулась к нему лицом. На слегка загорелой коже, как раз в ложбинке между грудей, Юрий разглядел маленький металлический крестик. Ничего подобного раньше он не замечал, а всё из-за того, что цепочка, на которой висит крестик, ещё более тонкая и золотая. Будто и этого мало, следом в его сторону повернулся мужчина. И на его груди, посреди чёрных волосков, Юрий разглядел точно такой же маленький металлический крестик.

В тот день Юрия будто молния шандарахнула, а под ногами разверзлась земная твердь. Как? Как такое может быть? Ведь отец Кондрат много-много раз говорил, будто люди в Большом внешнем мире забыли бога, будто живут в грехе, разврате и поклоняются дьяволу. Но крестики на груди женщины и мужчины? Да, красивые, да, дорогие, цепочки вообще золотые. Но это настоящие нательные крестики. Неужели тот, кто поклоняется дьяволу, будет носить на груди символ веры, веры истинной?

Душа Юрия треснула сомнениями. Тогда же, будто в первый раз, совсем другими глазами глянул он на людей из Большого внешнего мира. Да, супруги очень любят отдыхать на этом маленькой пляже. Да, мужчина то и дело норовит затащить женщину в палатку и зарыть за собой вход. Но они же не придаются пьяному разврату прямо на песке. Хотя, и Юрий это знает точно, каждый раз, из плетённой корзинки с едой, женщина достаёт весьма примечательную бутылочку с чем-то крепким. Но, опять же, каждый раз супруги позволяют себе опрокинуть лишь стопочку, максимум две, если улов был хороший. И всё. Без всякого скандала и ругани женщина убирает бутылочку обратно в плетённую корзинку, а мужчина и не думает орать на неё из-за этого.

Рюмка, максимум две – какая это пьянка? Отец Кондрат и сам не отказывается

опрокинуть стопочку-другую самогонки, когда бывает в гостях у родителей Юрия. Но и это ещё не всё.

Тогда же, прошлым летом, Юрий специально сплавал на ту сторону и внимательно осмотрел маленький пляж, а так же лес рядом с ним. Чистый песок, чистая тайга. Никакого мусора, вообще ничего. Единственное, пепел и обгорелые камни в очаге и примятая трава. Всё, вплоть до последней косточки, люди из Большого мира увозят с собой.

Да как тут не засомневаться в словах отца Кондрата? Да как ту не подумать, что, на самом деле, Большой внешний мир совсем-совсем другой, не такой злой и страшный.

Женщина на том берегу перевернулась на живот. Юрий томно вздохнул. Какие же у неё длинные и чистые ноги. Мужчина искоса глянул на жену, однако пока поплавки, что мерно покачиваются на тёмной воде, интересуют его гораздо больше. В ближайшие час-два не произойдёт ничего интересного. Только ближе к вечеру мужчина начнёт жарить на углях мясо, либо варить уху.

Юрий натужно просипел. Как же ему не хочется, очень не хочется... Но надо. Надо! Ему и так влетит, но это ерунда. Медленно и осторожно Юрий попятился. Единственная отрада, наступит день, когда он вновь убежит из деревни на берег Шушбай. А если это будет суббота, то он опять застанет людей из Большого внешнего мира на этом маленьком пляже с мягким песком. Но сейчас, увы, пора уходить. Юрий отошёл от берега подальше и лишь после выпрямился в полный рост. Даже обидно, немного: люди из Большого внешнего мира его опять не заметили. Может быть, они даже не подозревают о его существовании. Юрий так до сих пор и не понял: это хорошо или плохо?

Недалеко от речного берега лес поднялся сплошной стеной. Если не знаешь, то ни за что не догадаешься, что совсем рядом течёт вода. Но Юрий не боится заблудиться. Пусть он не охотник, да и отец не жалуется на ловлю зверя или птиц, но окрестности родной деревни знакомы Юрию более чем хорошо. Особенно местность возле Шушбай. Едва заметная тропинка петляет между стволами вековых берёз. Юрий печально вздохнул, ноги сами понесли его домой.

На душе муторно и грустно. Юрий склонил голову. С ним такое каждый раз, когда он возвращается в деревню после прогулки к людям из Большого внешнего мира. А почему ему так муторно и грустно, он и сам понять не может. Наверно потому, что кажется, будто жизнь, настоящая жизнь, проходит мимо него.

Глава 2. Серая тоска

Деревья расступились в стороны. Юрий поднял голову, впереди показалась околица. Длинные кривые жердины на подгнивших столбах. Между грубо стёсанных досок щели такие, что можно легко просунуть хоть палец, хоть ладонь целиком. Чуть дальше двумя рядами потянулись дома. Самые обычные деревенские избы. Крыши покрыты дранкой. Из квадратных печных труб тянется сизый дымок. На узких окнах лишь кое-где можно заметить настоящие прозрачные стёкла. Гораздо чаще на рамы натянуты бычьи пузыри.

Улица между домами заросла свежей зелёной травой. Две чуть заметные колеи тянутся от околицы к центру деревни, к храму на площади. Юрий поднял глаза. Крест с облезлой позолотой на серой маковке хорошо виден на фоне светлого неба.

Лапоть зацепился за невидимый корень. Юрий тихо ругнулся сквозь зубы. Это и есть его родная деревня Вельшино, унылая и кособокая. Здесь отродясь не было ярких сочных красок, как у людей в Большом внешнем мире. Самый распространённый цвет – серое дерево, которое когда-то было ярким, но потом Солнце, ветер и дожди состарили его.

Даже люди, односельчане, и те все блеклые и серые. Какие там тёмно-зелёные куртки и штаны как у людей из Большого внешнего мира? На мужиках простые рубахи и штаны, на бабах такие же платья и платки. И все без исключения в серых лаптях. Даже зимние валенки, на мороз и снег, и те серые. Одним словом, серая тоска.

Старики рассказывают, что давным-давно, во времена чудной страны под названием СССР, Вельшино была заброшена. Впрочем, как и многие другие деревни в округе. Если верить отцу Кондрату, то сорок лет назад люди забыли бога и продались адским машинам. Что именно произошло, никто Юрию толком так и не смог объяснить, даже деревенский священник. Но именно тогда в Вельшино поселилась община последователей спасительной веры под названием «Истинные люди».

Те же старики очень любят вспоминать, как им пришлось заново отстроить деревню, отогнать тайгу и вновь распахать поля. Это был большой и тяжёлый труд. Неудивительно, что старики жутко гордятся своим прошлым. А вот о чём они крайне не любят вспоминать, так это о том, что совершить сей славный подвиг им помогли те самые адские машины. Тот же лес они валили с помощью так называемых бензиновых пил. Толстые и тяжёлые стволы к будущим избам им помогали свозить какой-то трактор, тоже на каком-то бензине. Этот же трактор помог первым поселенцам выкорчевать многочисленные пни и распахать поля. Это уже позже, спустя годы, когда закончился бензин, а община окончательно порвала все связи с Большим внешним миром, тот самый трактор заменили кони.

Как же не хочется возвращаться домой, но стоять у околицы ещё глупей. Юрий нагнулся и пролез под тонким бревном, что, вместо ворот, перегораживает выход в лес. По сторонам лучше не смотреть. Нечего там смотреть. Ещё неприятней ловить на себе то надменные, то жалостливые, то осуждающие взгляды односельчан. Последних больше всего. Вся деревня знает, зачем он то и дело убегает на берег реки Шушбай.

А вот и он, Юрий остановился. Ноги едва не подломились, а душа едва не рухнула на землю. Специально навстречу вышел, сейчас начнётся. Да и односельчане глаза и уши наострили.

– Ты опять убежал на берег Шушбай.

Отец не спрашивает, а лишь желает убедиться в собственной правоте. Юрий потупил

глаза. Как же хочется провалиться сквозь землю, только не от стыда.

– Сколько раз тебе повторять: нельзя туда ходить! – голос отца загремел на всю улицу.

Подзатыльник больно ожёг затылок. Голова дёрнулась вперёд. Юрий плотнее сжал губы, но так ничего и не ответил. Да и какой смысл отвечать? Всё это было, было много, много раз. Даже хуже: Юрий точно знал, что получит от родителя на орехи, когда вернётся в деревню.

– Жениться пора, а ума нет. Когда ум будет? Я спрашиваю, – родитель грозно сдвинул брови. – Пошли домой.

Юрий послушно пошёл в сторону родной избы. Отец шагает рядом и продолжает что-то там грозно выговаривать. Только, как родитель сам любит повторять, в одно ухо у Юрия влетает, а в другое тут же вылетает.

Ещё один подзатыльник ожёг затылок. Юрий покосился на отца. Если строго, то на Фёдора Иннокентиевича Сварина. Шерстяная рубаха навывпуск перехвачена старым полинявшим от многочисленных стирок кушаком. В чёрной бороде отсвечивают первые седые волоски. На руке отца не хватает двух пальцев, мизинца и безымянного. Мать сказывала, что случайно топором отхватил много лет назад. Крови, говорят, много было. Когда отец крестится, то нехватка двух пальцев особенно бросается в глаза.

– Хоть бы охалку хвороста принёс, ягод гроздь или грибов пару. Так вообще же ничего, – отец монотонно продолжает честить Юрия. – Столько времени коту под хвост. Сегодня суббота, а дел – конь не валялся. Жениться пора, а ума нет. Когда ум будет?

Тяжёлая рука отца опять отвесила горячий и гулкий подзатыльник. Про себя Юрий улыбнулся, это даже хорошо, пусть ругается. И смех и грех, он столько раз убежал из деревни на берег реки Шушбай, что отцу просто надоело его наказывать. В позапрошлом году грозный родитель показательно высек его розгами. Как говорится, постарался от души. И-и-и... Юрий неделю с лежанки встать не мог. И целую неделю отцу самому пришлось таскать дрова, чистить хлев, выносить помои и прочие дела, что обычно делает Юрий. Зато с тех пор отец за розги и прочие истязания больше не хватается, предпочитает на людях бранить Юрия и отвечать подзатыльниками.

– Отец Кондрат и так постоянно выговаривает мне за твою страсть бегать на Шушбай и смотреть на бесовскую жизнь на другом берегу. Нечего туда ходить! Нечего там смотреть! Жениться пора, а ума нет. Когда ум будет?

Громко и больно, особенно затылку. Только все эти выволочки отцу самому до смерти надоели. Но иначе нельзя. Вся деревня должна видеть и слышать, как он воспитывает сына, как заботится о его бессмертной душе, ну и далее, о чём так любит верещать отец Кондрат. И всё равно, Юрий искоса глянул на отца, они оба прекрасно знают, что он опять убежит на берег Шушбай. Нет, кривая улыбку тронула губы, в следующую субботу нужно будет обязательно убежать.

Отец давно закончил бы свою отповедь, только, как на грех, живут они на другом конце деревни. Вот и приходится шагать рядом с родителем и терпеть его подзатыльники. Юрий украдкой посмотрел по сторонам. Вон, даже односельчане потеряли к нему интерес. Подобные отповеди и подзатыльники они уже видели много-много раз. Вельшино деревня маленькая. Изб меньше пяти десятков, а жителей – меньше трёх сотен. Точно знает только отец Кондрат, да староста Немеев. Только они грамотные, только они умеют читать, писать и считать. Хотя, ещё старики, что сорок лет назад в Вельшино поселились, тоже грамотные. А те, кто родились уже здесь, в том числе и сам Юрий, уже нет.

На площади Юрий, вслед за отцом, трижды перекрестился. Церковь – единственная во

всей деревне сложена не из брёвён, а из красных обожжённых кирпичей. Широкое крыльцо в три ступеньки, тяжёлая дверь наглухо закрыта. Серую деревянную маковку венчает крест с облезлой позолотой.

Старики говорят, что, в своё время, церковь построили самой первой. Специально со всей округи кирпичи собирали. Наверно, по этой самой причине она маленькая совсем. Внутри едва два десятка человек поместится. Юрию вместе с родителями, как и многим другим односельчанам, во время службы приходится стоять прямо на площади. Ладно, если погода хорошая. А если дождь или снег? Хуже всего мокрый снег. Но не прийти на службу нельзя. Отец Кондрат и староста Немеев внимательно следят и пересчитывают всех присутствующих. Обычно с широкого крыльца, под прикрытием козырька, отец Кондрат читает проповеди. Или, как про себя говорит Юрий, пугает адом.

В деревне давно ходят разговоры, дескать, надо бы построить новую церковь. Пусть она будет деревянной, зато гораздо более просторной и величественной. Только пока дальше разговор дело не идёт. Юрий частенько думает, что так и не пойдёт. Ибо на новую церковь, тем более просторную, пусть даже деревянную, потребуется труд всей деревни. Да только где односельчанам взять столько свободного времени? Труд, труд и ещё раз труд. Всем приходится трудиться с утра до вечера, и всё лишь бы прокормиться. Как тут не вспомнить людей из Большого внешнего мира, что очень любят отдыхать каждую субботу на маленьком пляже.

– Вот женишься, и тогда, дай бог, ум у тебя и появится.

Едва они прошли площадь и церковь, как отец принялся вновь браниться и ругаться почём зря. Про себя Юрий криво усмехнулся. Кто о чём, а отец опять о его будущей женитьбе. Хотя сам же время от времени любит рассказывать о горбатом, которого могила исправит.

Только не это. Юрий нахмурился и отвернул лицо. Вот уж точно, помяни все, как тут же явится. Дай бог, пронесёт. Но нет, не пронесло, суровый родитель заметил её.

– Прекрати! – грозно прикрикнул отец, очередной подзатыльник огрел Юрия. – А ну, поздоровайся со своей будущей женой. Поклонись ей, дурень.

Сам нечистый очень не вовремя послал им навстречу Анастасию Зорину. Невысокая дурнушка, лицо в пятнах, из-под верхней губы выпирают кривые зубы. Когда она улыбается, так вообще становится похожа на упыря. Уже сейчас через шерстяную ткань длинного платья можно заметить, насколько же она толстая для своих шестнадцати лет. А ещё через десяток расплзётся во все стороны как её мать.

Уже давно Анастасию Зорину определили Юрию в невесты. А всё из-за того, что мало в Вельшино людей, мало. За сорок лет все и так переженились и стали друг другу чуть ли не близкими родственниками. Вот почему брак между молодыми людьми давно перестал быть делом молодых людей и даже их родителей. Из всех ровесниц Юрия Анастасия Зорина осталась единственной не родственницей. Сам Юрий с превеликой охотой и старанием отправился бы на поиски невесты в других деревнях, благо парни из Вельшино регулярно навдываются в Ольхинеху и Старославино с той же целью. Но не судьба. Отец Кондрат и староста Немеев решили, что, пока есть такая возможность, пусть жена Юрию будет из Вельшино. Отец даже не пытался возразить священнику и главе деревни. Спросить самого Юрия никто так и не удосужился, даже мать.

– Добрый день, Анастасия, – Юрий послушно склонил голову.

– Добрый, добрый, – радостно защебетала Анастасия, тяжёлая плетённая корзинка

опасно качнулась в её руке.

– К сожалению, нам нужно идти, – Юрий вновь торопливо поклонился. – Как обычно, много дел, очень много.

– Ничего, ничего, я подожду, – полное лицо Анастасии расплылось в гадкой улыбке.

Юрий, как мог, скосил глаза в сторону. Аж мороз по коже. Лучше бы она этого не делала. А то на миг показалось, будто Анастасия вот-вот вцепится своими кривыми зубами ему в шею.

Едва ли не в припрыжку, Анастасия уплыла дальше по улице. Что за наказание такое? Насколько Юрий не горит желанием стать её мужем, ровно настолько же, а то и больше, Анастасия хочет выйти за него замуж. Каждый раз при встрече она аж светится от радости. Светится, и не считает нужным скрывать свою радость. Уродина, Юрий насупился.

– Никакая она не уродина! – тяжёлая рука родителя отвесила Юрию горячий подзатыльник, отец будто мысли прочитал. – С лица воду не пить. Зато она хорошая хозяйка, умеет вкусно готовить и ухаживать за скотиной. И прекрати так грустно вздыхать!

Юрий зло покосился на отца. Конечно, хорошая, ведь это не ему жениться на этой уродине. Но, делать нечего. Идти наперекор отцу Кондрату и старосте Немееву, почитай, всей деревне, пустое дело. И гулять Юрию на свободе только до осени. А там неизбежная свадьба. Если только, Юрий приподнял голову, не случится какое-нибудь чудо. Но! О Вельшино забыл не только Большой внешний мир, но и бог. Забыл, как бы отец Кондрат не пытался уверить в обратном.

– Прекрати так грустно вздыхать! – на этот раз отец разозлился по-настоящему.

От очередного жгучего подзатыльника Юрия спасло только то, что они дошли до своей избы. Злится родитель, очень злится, когда от дурных мыслей Юрий грустно вздыхает. Всё равно злится, хотя прекрасно знает, от чего Юрий так печалится.

– В хлев иди, – рука отца толкнула в плечо. – Почисти как следует. Пока не почишишь как следует, в дом не заходи.

– Обязательно сделаю, папа, – смиренно ответил Юрий.

По меркам Вельшино, у Фёдора Сварина большое и справное хозяйство. Изба на пять окон и большой мост за ней. Две коровы и два телёнка. А ещё овцы, куры и поросёнок. И, гордость отца, конь по кличке Кнут. На заднем дворе большой огород. Ну и, конечно же, свой надел на общем поле за околицей.

Левой рукой Юрий распахнул дверцу просторного хлева. В нос тут же шибанул противный запах свежего навоза. Твари божьи пусть и приносят много пользы, но и хлев засерают очень быстро. Если не через день, то через два нужно обязательно убирать за ними. Из угла Юрий подхватил деревянные грабли с отполированным до блеска черенком. Родитель строг, так что лучше не лениться. Навоз нужно аккуратно и тщательно сгрести, а потом вынести в кучу на краю огорода. На следующий год хорошее удобрение будет. Пол подмести и насыпать свежего сена.

Работа привычная и знакомая до боли. Деревянные грабли старательно елозят по утоптанной земле. Противные катышки нехотя собираются в кучу. Сейчас вся скотина на выпасе за околицей. Зимой будет ещё хуже, когда коровы и овцы будут жить в хлеве безвылазно. Тогда навозу будет ещё больше, а сгребать его будет ещё трудней, да ещё дважды в день.

– Работай, работай, – в дверях показался отец, обезображенная рука родителя легла на тёмный косяк. – Если бы не пялился на бесовские машины, то давно бы уже всё закончил и

отдыхал. А так не забывай: перед воскресной службой нужно везде навести порядок и чистоту, а не только в доме.

Юрий ничего не ответил, и вообще сделал вид, будто не заметил отца. В важности воскресной службы, о необходимости навести порядок и чистоту не только в доме, он уже слышал бессчётное количество раз. Знакомые до оскомины слова влетели в одно ухо, и тут же вылетели в другое.

– Работай. И сена не забудь задать, – напоследок бросил отец.

– Не забуду, – тихо, почти про себя, произнёс Юрий.

Вонючая куча возле дверей прибавила в размерах, но тащить её к огороду ещё рано. Грабли грохнулись в угол, Юрий подхватил метлу. С отца станется проверить. Да и мать, когда вечером пойдёт коров доить, тоже будет недовольна, если по углам останутся пахучие крошки. Единственные, кто ничего не скажут, это сами коровы и овцы.

Пучок тонких прутиков принялся шаркать по утоптанной до крепости камня земле. Юрий грустно вздохнул. Неужели вся его жизнь вот так и пройдёт? Работа в поле, работа в этом вонючем хлеву, работа в доме. В доме даже ещё хуже, ибо уже осенью ему придётся делить одну кровать с уродливой и нелюбимой женой. Чтоб её волки задрали! Веник с силой шаркнул по земле, аж тонкие веточки едва не треснули. Как же, Юрий скривился, держи карман шире, задерут её! Серые не дураки, побрезгуют.

Да, вот ещё сено задать. Метла улетела в угол к деревянным граблям. Пришлось несколько раз сбегать под навес, что пристроен к хлеву. Наконец, настенная кормушка доверху завалена сеном. Сухие травинки пучками торчат между кривыми перекладинами из тонких веток. Только этой весной Юрий вместе с отцом сделали её взамен старой, которая окончательно сгнила и развалилась. Дерево ещё свежее, почти белое, но уже начало темнеть. Вот и его жизнь как эта кормушка: вроде ещё свежая, но уже кривая и начала темнеть.

Старая плетённая корзинка шмякнулась на пол. Небольшой деревянной лопаткой Юрий принялся загружать её навозом. В голову очень не вовремя пришли воспоминания о той женщине на берегу Шушбай. Какая она красивая. Пусть не девица на выданье, вполне взрослая и замужем, но ни одна баба в Вельшино не может сравниться с ней. И дело даже не в красоте её тела и гладкой коже. Нет. Юрий прислонил деревянную лопатку к стене. Женщина из Большого внешнего мира какая-то прямая, уверенная в себе, наверняка умная, умеет читать, писать и даже считать больше ста. А иначе как она может повелевать машинами?

В голову закралась крамольная мысль. Юрий аж замер на месте. Глаза испуганно метнулись ко входу в хлев. Но нет, отца не видно. Руки ухватились за ручки плетённой корзинки. Однако нервная дрожь ледяной водой всё равно прокатилась от плеча к пяткам. Может... Того... Ему и в самом деле уйти, убежать из Вельшино? Переплыть или перейти вброд Шушбай и добраться до другого берега. Убежать в Большой внешний мир, а там будь, что будет.

Аж думать страшно! Юрий с кряхтением приподнял тяжёлую вонючую корзину. К чему скрывать, он уже думал об этом. Бросить эту жизнь. Бросить отца Кондрата с его опостылевшими проповедями об адских муках. Бросить отца с его вечными подзатыльниками. Ведь что он теряет?

Перегрузил, тяжеленная корзина с навозом едва не отрывает руки, но Юрий упорно потащил её к дальнему концу огорода. Ведь что он теряет? Самое приятное, что он потеряет, так это необходимость жениться на Анастасии Зориной. Только ради этого уже стоит

наострить лапти. Хотя... Навоз высыпался в огромную зловонную кучу, Юрий опустил корзину на землю и смахнул со лба испарину. Мать жалко. Как она расстроится, как она будет плакать, если он и в самом деле однажды ночью переберётся на тот берег реки Шушбай.

Глава 3. Явить чудо

Скучная и нудная воскресная служба тянется невыносимо долго. Юрий поднял глаза, хорошо, что хоть серые тучки на небе не торопятся разразиться мелким противным дождиком. А то было бы вообще невыносимо, хоть волком вой.

Как и полагается, Юрий вместе с родителями стоит в толпе односельчан возле церкви. Как и полагается, он чист, опрятен и даже причёсан. В честь седьмого дня мать велела ему надеть праздничные рубаху и штаны. От рабочих они отличаются только тем, что более новые и ещё не застиранные. Через год или два, когда рабочая одежда окончательно сносится, именно в этих штанах и рубашке ему придётся чистить хлев и таскать навоз на огород. Но это будет потом.

Дверь в церковь распахнута настежь. Изнутри доносится густой и громкий голос отца Кондрата. Священнику то и дело вторят певчие. Как обычно, внутрь поместилось не больше двух десятков человек. Остальные остались снаружи. Как и полагается, на воскресную службу пришли все. Ну, Юрий мысленно поправил сам себя, почти все. Дед Антон остался дома. А всё потому, что у него уже много лет назад отнялись ноги.

Глаза украдкой скользят по окружающим. Односельчане преисполнены религиозным трепетом. Бородатые лица мужиков серьёзны, а женщины аж светятся от умиления и радости. Однако сам Юрий в глубине души продолжает маяться от скуки. Да, вместе со всеми он крестится и кланяется. Но делает это машинально. Точно таким же образом, думая о своём, вчера днём он чистил хлев. Просто, без лишних переживаний и трепета, дочистил и пошёл домой.

Пальцы привычно коснулись лба, живота и последовательно плеч. Вместе со всеми Юрий поклонился. Не то, чтобы он не верил в бога. Какая-нибудь высшая сила непременно есть. Нет. Больше всего Юрию не нравится лицемерие односельчан, а лицемерие священника так просто бесит.

Лет пять назад Юрий набрался смелости и попросил отца Кондрата обучить его грамоте, чтобы Библию читать. Но священник не просто отказал ему, а напыщенным тоном объяснил, дескать, Юрию, как простому рабу божьему, владеть грамотой ни к чему. И как тут было не заплакать от сожаления и обиды. Ведь все старики, что когда-то бежали из Большого внешнего мира, все как один умеют не только читать и считать, а ещё и писать. Умеют, но сейчас, все как один, наотрез отказываются учить даже собственных детей и внуков. А почему так? Чего они боятся? Именно боятся.

Юрий украдкой покосился на родителей. Фёдор Иннокентиевич сама добродетель. Бородка расчёсана, рубашка застёгнута на все без исключения пуговицы. Отец родился уже здесь, в Вельшино, а потому он грамотой не владеет. Хотя его отец, дед Лука, был образованным. Это Юрий помнит точно. Сам не раз видел, как дед что-то там подсчитывал на бересте, или велел отнести всё ту же бересту с буквами кому-нибудь из соседей или старосте. Если так и дальше пойдёт, то через десяток-другой лет в Вельшино грамотными останутся только староста и священник. Никто другой более читать Библию не сможет.

Злость и раздражение окатили грудь ледяной водой. Юрий отвернулся, из ноздрей с шипением вырвался воздух. Могла бы хотя бы не лыбиться. Недалеко, вместе с родителями, братьями и сестрами, стоит она, Анастасия Зорина. Вот ещё один человек, которого совершенно не интересует воскресная служба. Вместе со всеми Анастасия осеняет себя

крёстным знаменем и кланяется, однако во все глаза пялится на него. Противно даже. Ну да, ничего плохого Анастасия ему не сделала, но столь пристальное, и даже откровенное, внимание со стороны будущей жены бесит. Если бы не отец, то Юрий до самой свадьбы обходил бы Анастасию десятой дорогой. Так нет же, сегодня их специально поставили недалеко друг от друга.

Плохие мысли, плохие, нельзя так. Юрий поднял голову, глаза упёрлись в распахнутую дверь церкви.

«Господи, – мысленно воззвал Юрий, – яви чудо! Сделай так, чтобы мне не пришлось жениться на Анастасии Зориной. Она не причинила мне зла, но я всё равно не хочу жениться на ней. Не хочу. Не хочу».

Впервые в жизни, Юрий не на словах, а всей душой воззвал к Господу Богу. Воззвал... И ничего не произошло. Над серой маковкой церкви с облезлым крестом так и не появились небесные ангелы, что так и не вразумили отца Кондрата, старосту Немеева, родителей Юрия, родителей Анастасии и саму Анастасию. Вообще ничего не произошло. Из распахнутой в церковь двери как и прежде доносится густой и зычный голос священника.

Хотя... Юрий поднял глаза ещё выше. С небес доносится стрёкот, очень хорошо знакомый стрёкот. Юрий много раз слышал его. Но не в церкви, вообще не в деревне. А-а-а... На том берегу реки Шушбай, над длинными рядами молодых и уже подросших кедров.

От удивления глаза едва не выскочили из головы. Юрий распахнул рот. Летун! Над маковкой церкви с облезлым крестом завис не просто летун, а много-много летунов, не меньше десятка. Но они не такие, какие Юрий видел на том берегу Шушбай. Нет. Эти гораздо крупнее и чёрные, как уголь. Но то, что и эти летуны пришли из Большого внешнего мира, можно не сомневаться. Но и это ещё не всё.

Ещё более крупный летун размером с доброго сторожевого пса завис над крыльцом. Остальные, более мелкие, будто в ужасе, сыпанули от него во все стороны. Люди, что собрались у крыльца церкви, враз забыли о воскресной службе и уставились на летунов. Юрий сглотнул, это даже страшно. Густой и зычный голос отца Кондрата, как ни в чём не бывало, продолжает читать Евангелие. Чей-то женский голос за спиной Юрий испуганно произнёс:

– Полицейские дроны.

Юрий резко оглянулся. Старуха Никитишна неистово крестится. Её бледные губы беззвучно шепчут «Отче наш». Но сказала точно она. Сорок лет назад Никитишна была одной из тех, кто бежал из Большого внешнего мира. Она... Она знает, кто такие «полицейские дроны».

Дальше – больше. Односельчане возле церкви испуганно зашумели. Юрий крутанул головой. Всё новые и новые летуны выныривают из-за леса, либо спускаются с небес. Странные летающие машины взяли людей в кольцо. Но, Юрий сдержанно вздохнул, пока ничего не делают.

Наконец, и до священника дошло, что снаружи происходит что-то непонятное. Воскресная служба в церкви оборвалась буквально на полуслове, хотя как раз в этот момент отец Кондрат читал Евангелие. Священник вышел на крыльцо и тут же замер, будто узрел перед собой самого нечистого. Из-за спины отца Кондрата показалось полное и бородатое лицо старосты Немеева.

Как и полагается, на воскресную службу отец Кондрат надел чёрный подрясник вместе с епитрахилью, длинной широкой лентой вокруг шеи. Напёрсный крест из начищенной

лагуни в спешке сдвинут в сторону. Отец Кондрат поднял голову и близоручко сощурился. Скуфья, маленькая чёрная шапочка, сползла на затылок.

Кажется, будто самый большой летун только и ждал, пока отец Кондрат и староста Немеев выйдут из церкви. Чудная машина спустилась ещё ниже. И-и-и... Во второй раз Юрий вылупил глаза от удивления. Перед отцом Кондратом, прямо в воздухе, возник человек в чудной чёрной одежде. Брюки и ботинки ещё ладно. А вот на плечах не шерстяная рубаша, а то, что иногда, по большим праздникам, надевают деревенские старики. Это так называемый пиджак. Или не совсем пиджак, Юрий сощурился и задумчиво склонил голову. Но что-то очень на пиджак похожее со звездой на каждом плече. Шапка так вообще очень странная. Ни одному деревенскому дурачку не придёт в голову нацепить такое. Круглая и сверху плоская. Кажется, будто человек из Большого внешнего мира надвинул на себя чёрную тарелку.

Юрий, что было сил, напряг глаза. Нет, это не живой человек. Ибо живой человек не может висеть прямо в воздухе. Да и какой-то странный он. Юрий несколько раз усиленно моргнул. Или показалось? Или через него и в самом деле можно разглядеть напёрсный крест на груди отца Кондрата?

– Разрешите представиться, майор Соловьёв, – человек смешно вытянул ладонь и кончиками пальцев коснулся собственного виска.

От неожиданности Юрий вздрогнул, голова сама по себе дёрнулась из стороны в сторону. Голос человека из Большого внешнего мира зазвучал до ужаса громко и, буквально, со всех сторон.

– Согласно постановлению правительства Российской Федерации, – продолжил человек в чёрной одежде, – жители деревни Вельшино старше пятнадцати лет подлежат переселению в «Благодатный мир».

– О, нет! Только не это! – пискнула за спиной старуха Никитишна.

– Соппротивление бесполезно, – голос человека в чёрном загрохотал ещё громче. – Сейчас на площадь приземлятся вертолёты. Просьба ко всем жителям в добровольном порядке подняться на борт. Иначе, – человек в чёрном на секунду умолк, – мы будем вынуждены применить силу.

Словно подтверждая слова человека в чёрном, с неба упал не просто стрёкот, а сильный гул. Юрий тут же задрал голову.

– Вот это да! – удивлённое восклицание само выскочило из груди.

С неба медленно и величественно опускается летун. Но какой же он огромный и пузатый. В отличие от мелких, у него нет четырёх хвостов по бокам. Хотя над самим летуном что-то крутится с такой большой скоростью, что даже толком не разглядеть. Поток холодного воздуха едва не запорошил глаза пылью и песком. Волосы и подол праздничной рубашки затрепетали так, будто Юрий в грозу и в бурю вышел из дома. Наверно, это и есть тот самый «вертолёт».

Сильный ветер сорвал с головы священника скуфью, а епитрахиль стегнула его по лицу, от чего отец Кондрат будто проснулся.

– Не имеете права! – сквозь рёв огромного летуна прорезался звонкий голос отца Кондрата. – У нас с вами договор! Мы не висим на шее государственного бюджета! Вы, в свою очередь, не трогаете нас!

Какой ещё договор? Юрий не поверил собственным ушам. Ведь отец Кондрат сам постоянно твердит, что истинные люди бежали в тайгу, дабы спасти свои бессмертные души от бесовских машин Внешнего мира. Именно бежали. А тут, вдруг, какой-то договор? Разве с

исчадиями ада можно договориться? А если можно, то какой ценой?

– Договор аннулирован, – человек в чёрной одежде рассмеялся так, будто священник сморозил нелепую глупость. – Отец Кондрат, не доводите до греха. Жители деревни Вельшино старше пятнадцати лет подлежат переселению в «Благодатный мир». Смиритесь. Подчинитесь. И тогда никто не пострадает.

Впрочем, отец Кондрат, – человек в чёрной одежде хитро подмигнул, – если вы не согласны с постановлением правительства, то можете подать в Конституционный суд.

Юрий вместе с прочими односельчанами уставился на отца Кондрата. Что? Что скажет тот, кто вот уже третий десяток лет направляет их на путь истинный? Тот, чьими устами вещает сам бог? Отец Кондрат и сам прекрасно понимает, что паства ждёт его решения. Понимает, но продолжает молчать. От напряжения его пальцы, что сжимают толстую Библию, побелели.

– Люди! – отец Кондрат вскинул руки, из-за чего толстая Библия едва не вырвалась из его пальцев. – Спасайтесь!!!

В тот же миг голубая молния с треском ударила отца Кондрата в грудь. Священник повалился назад и сбил старосту Немеева с ног. Тяжёлая Библия брякнулась на крыльцо.

Убит! Священник убит! Юрий замер от ужаса. Паника со скоростью молнии разлетелась по толпе односельчан. Люди, словно тараканы, рванули сразу во все стороны. Крики. Вопли. Матюги. В ответ летуны разразились голубыми молниями.

Вместе со всеми Юрий рванул со всех ног. Страх придавал сил. Прямо на его глазах голубые молнии валят людей с невероятной скоростью и точностью. Юрий вильнул в сторону. Плечо сшибло кого-то с ног. Недовольный вопль заглушил треск голубой молнии.

Вот для чего летуны окружили односельчан перед церковью сплошным кольцом. Но вот чего машины никак не ожидали, так это того, что люди с невероятной прытью и все разом ломанутся сразу во все стороны. Как бы летуны не старались, но они не смогли убить всех и сразу.

Юрий перепрыгнул через женщину, лапоть едва не застрял в подоле её платья. Зато вовремя увернулся от пораженного старика. Но тут, прямо перед ним, возник чёрный летун. Юрий судорожно рванул в сторону! Неужели, это конец?

Над ухом треснуло. Но нет, Юрий побежал дальше. Какой-то мужик ненароком прикрыл его своим телом, и тем самым спас его, но сам рухнул на землю мёртвым. Невероятно! Юрий оказался среди тех, кто, всё же, сумел прорваться через кольцо летунов.

В голове пульсирует единственная мысль. Бежать! Бежать! Бежать! Никогда ещё Юрий не бегал так быстро и так самоотверженно. Почти новые лапти неимоверно трещат на каждом шагу, того и гляди развалятся.

Впереди забор. Свернуть к калитке? За спиной треснула голубая молния. Мысли вон, Юрий сиганул головой вперёд прямо через забор. Подол рубахи зацепился за доску и тут же треснул.

Земля больно ударила по плечам. Буквально в последний момент Юрий успел подогнуть голову. Зато ему удалось в тот же миг вскочить на ноги.

Рядом изба, но, во облом, дверь на крыльце подпёрта палкой. Юрий рванул дальше. В хлеву недовольно замычала корова. Следом пронзительно заверещали овцы. Юрий проскочил мимо, рукав шерстяной рубахи лишь шаркнул по тёмным брёвнам. Там, дальше, огород, а за ним тёмная громада тайги. Лишь бы успеть добраться до неё! Лишь бы успеть!

Рядом грохнул выстрел. Юрий дёрнулся в сторону. Лапоть очень не вовремя споткнулся

о грядку с морковкой. Юрий с разгона брякнулся на соседнюю грядку с капустой.

Что? Что это было? Юрий перевернулся на живот. Да это же дед Арсен! Через хилый забор отлично видно, как дед Арсен весьма бойко для своих лет бежит через соседний огород. Но вот он остановился и обернулся. Ого! Юрий аж подался вперёд. В руках у деда Арсена ружьё!

Оба ствола разом выплюнули облако чёрного дыма. Грохот выстрела ударил Юрия по ушам. Дед Арсен тут же переломил ружьё пополам. Стрелянные гильзы сами вылетели вон. Одним махом дед Арсен вогнал на их место новые патроны. И тут же ружьё со щелчком выпрямилось.

Юрий ужом пополз прямо по грядке. Парадная рубаха безнадёжно испачкана. Руки без малейшей жалости переломали нежные ростки капусты и намотали на ладони длинные стебли гороха. Невероятно! Достать хорошую свинцовую дробь очень трудно, а настоящий порох так вообще невозможно. Однако дед Арсен начисто забыл о бережливости. Ружьё в его руках вновь с грохотом окуталось чёрным дымом.

Но-о-о... Юрий аж крикнул с досады. Проклятый летун увернулся-таки буквально в последний момент! Ещё немного, и он точно сразит деда Арсена голубой молнией. Юрий вскочил на ноги. Бежать! Бежать! Бежать!

За спиной треснула голубая молния, а выстрелов больше нет. Всё, дед Арсен убит. Кромка леса рядом совсем! Юрий с разгона перемахнул через низенький заборчик. На этот раз за тёмную доску зацепились штаны. Но, получилось! Ещё немного, и точно бы расшиб голову о ствол тонкой ели.

Получилось! Получилось! Получилось! Юрий невольно сбавил шаг. Бежать с прежней скоростью по густому лесу невозможно. Зато за спиной больше не слышно стрёкота проклятых летунов. Неужели машина, что убила деда Арсена, так и не последовала за ним? Юрий рукой зацепился за тонкий ствол и развернулся. Гора с плеч! Летун, действительно, так и не бросился за ним в погоню. Вместо этого адская машина свернула в сторону и погналась за другим человеком. И-и-и... От досады Юрий едва не прокусил нижнюю губу. Даже сквозь деревья видно, как односельчанина прямо в спину ударила голубая молния. Вот ещё один человек так и не сумел добежать до спасительного леса.

К горлу горьким комком подступил страх. Крики у церкви продолжают, но быстро идут на спад. Даже очень быстро. Юрий развернулся и вновь побежал. В это трудно поверить, но отец Кондрат был прав. Такие милые, такие интересные летуны, что с весёлым стрёкотом кружили над кедровыми посадками, на деле способны убивать людей с одного выстрела. Можно не сомневаться, что отец Кондрат убит, а так же все прочие односельчане, что не сумели удрать.

Бежать. Бежать. Бежать. Всё та же мысль пульсирует в голове, но бежать с прежней резвостью уже не получается. Юрий перешёл на торопливый шаг. Как же тяжело дышать, когда усталость сводит грудь. Неужели он единственный, кому удалось удрать? Или не удалось? Над головой раздался знакомый до боли стрёкот. Юрий резко глянул вверх.

– О, боже! – крик отчаянья вырвался из глубины души.

Адский летун завис едва ли не над головой. Лишь вершины и ветки сосен не дают ему спуститься ниже и шарахнуть голубой молнией. Юрий дёрнул в сторону, но проклятый летун повернул вслед за ним.

Бежать! Бежать. Бежать. Юрий постарался рвануть со всех ног, но не получилось. Разбитые ступни отозвались болью. Лапти не выдержали столь сурового испытания. Узкие

полоски лыка разошлись в стороны. Сквозь дыры в портянках выглянули сбитые в кровь пальцы. Ну уж нет! Юрий упрямо зашагал дальше, просто так он не сдастся. Эх! Зубы скрипнули от досады. Вот было бы у него ружьё.

Увы, чего нет, того нет. Юрий торопливо зашагал дальше. Проклятый летун, словно привязанный телёнок, потянулся следом. Как бы от него избавиться? Да и получится ли избавиться вообще? А куда это его занесло?

Вельшино окружает густая тайга. С раннего детства Юрий изучил окрестности родной деревни. Когда перед церковью разразилась пальба и паника, он рванул куда глаза глядят. Только сейчас Юрий сообразил, что так и не решил, а куда, собственно, ему бежать? А где, собственно, ему теперь прятаться? Да, он знает, что у каждого деревенского охотника в тайге имеются так называемые зимники, небольшие домики. Да только где они?

Между тем проклятый летун и не думает отставать. Юрий на миг остановился и поднял голову. Хотя нет, отвязался. В уши больше не лезет хорошо знакомый стрёкот. Тем лучше. Но, куда его занесло? Юрий пересёк едва заметную тропку и, к собственному удивлению, вышел на берег Шушбай. Удивительно, ноги сами принесли его туда, куда он сам часто и охотно ходил. Одно плохо, Юрий нахмурился, желание любоваться чудесами Большого внешнего мира пропало начисто.

Тихой лесной речке Шушбай нет никакого дела до трагедии людей. Тёмные воды всё так же лениво текут куда-то на юг. Юрий присел под кустом. Может, и в самом деле перебраться на тот берег? Как знать, может, получится обмануть летуна? Пусть адская машина думает, будто человек так и не рискнул уйти в Большой внешний мир.

Шальная мысль с каждой секундой нравится всё больше и больше. Это же и в самом деле отличный выход! Юрий вскочил на ноги, ветки куста хлестнули по лицу. Пусть летун думает, будто человек убежал обратно в лес на этом берегу. А на самом деле, он переберётся на другой. А после, когда всё стихнет, можно будет подумать дальше.

Юрий спустился к кромке воды. На том берегу всё та же хорошо знакомая тайга. Но это только по виду. Возможно, там, дальше, делянки людей, что сажают лес. Да какая разница. Юрий опустил глаза, а вот лапти надо снять. Портянки лучше не мочить, а после можно будет как следует их перемотать.

– Стоять!

Звонкий металлический голос будто ударил по затылку. Юрий резко обернулся. В голову тут же ударил страх. Проклятый летун перехитрил его. Адская машина так никуда и не улетела, вместо этого она ловко отрезала его от леса. Тогда, Юрий вновь развернулся к реке.

– Парень, не дури, – раздался второй более человеческий голос.

Юрий вновь замер на месте. Ещё два летуна зависли над рекой. Так что не стоит даже пытаться нырнуть в воду. Ибо ещё раньше сразу три голубые молнии с оглушительным треском разорвут его на части.

Глава 4. Бесовские машины

Сердце колотится как сумасшедшее. Пятки жжёт от нестерпимого желания дать стрекоча. Но нельзя! Юрий медленно поднял руки. Летуны не убили его. Пока, по крайней мере. Как знать, может, ещё не всё потеряно. Но как же ловко они его провели. Юрий на миг закрыл глаза и сердито фыркнул. Лишь теперь до него дошло, что летуны специально дождались, пока он сам выйдет на берег, на худо-бедно свободное место, где они смогут опуститься ниже и поразить его голубой молнией. А почему он, тогда, не слышал никакого стрёкота? А кто его знает, на что ещё способны эти адские машины.

А стрёкот, между тем, и в самом деле есть. Он даже усилился.

– Юрий Сварин.

Юрий медленно обернулся. А, ну да. Между толстыми берёзами осторожно опустился более крупный летун. Под ним вновь возник человек в чудной чёрной одежде. Только вблизи он ещё меньше похож на живого человека. Чёрные ботинки не касаются земли, а через грудную клетку и в самом деле можно разглядеть ствол берёзы за ним. Больше всего человек в чудной чёрной одежде похож на призрака. Только очень реального призрака и весьма говорливого.

– Не дёргайся зря, – человек в чудной чёрной одежде заговорил вновь. – Если не хочешь пострадать, то возвращайся в деревню на площадь перед церковью. Шагай по тропинке, она как раз приведёт тебя в Вельшино. Всё понял?

– А-а-а... Это, – Юрий кивнул в сторону ближайшего летуна.

– Веди себя хорошо, не пытайся удрать, и тогда дроны тебя не тронут.

Дроны. Полицейские дроны. В памяти тут же всплыли непонятные слова старухи Никитишны.

– Откуда вы меня знаете? – Юрий с усилием вытолкнул из себя несколько слов.

– Наивный мальчик, – человек в чудной чёрной одежде вдруг лучезарно улыбнулся. – Мы всё о вас знаем. Ладно, шагай, не глупи и всё будет хорошо. И да, – человек в чудной чёрной одежде усмехнулся, – руки опусти.

Юрий послушно опустил руки. Человек в чудной чёрной одежде исчез. Исчез, словно призрак по утра. Более крупный летун медленно и осторожно поднялся над берёзами. Юрий проводил его глазами. Едва вершины остались внизу, как летун невероятно быстро улетел в сторону деревни.

– Юрий Сварин, иди, – раздался металлический голос.

Юрий медленно повернул голову. Ого! Оказывается, летуны умеют говорить. Пусть не так красиво и складно, как тот человек в чудной чёрной одежде, но умеют. Впрочем, не нужно зря злить летунов. Юрий осторожно тронулся с места.

Да, это та самая едва приметная тропинка, по которой он ещё вчера бегал на берег Шушбай подглядывать за машинами и людьми из Большого внешнего мира. Юрий стрельнул глазами по сторонам. Теперь понятно, почему именно по ней человек в чудной чёрной одежде приказал вернуться в деревню. Летуны, они, всё-таки, могут летать низко и между деревьями. Как раз над тропинкой для них больше всего места. Кулаки нервно сжались сами собой, но Юрий тут же разжал их. Не стоит, не стоит дёргаться или дурить.

Былой ужас потихоньку отпустил. Юрий даже чуток взбодрился. Летуны его так и не убили. Конечно, может, они сделают это прямо возле церкви. Кто их знает? Но зачем им это?

Какой в этом смысл? В лесу хватает падальщиков. Ещё до того, как тайгу белым покрывалом накроет зима, от него не останется ни одной косточки. Неужели летунам... Нет, Юрий тряхнул головой. Летуны тут вообще не причём. Это люди, люди из Большого внешнего мира, чего-то от него хотят. Но чего именно?

Голова вспухла от вопросов. Ещё никогда, да так много и так напряжённо, думать Юрию не приходилось. Хотя кое-что он, всё-таки, понял – шансов удрать у него и не было. Вообще не было. Раз люди из Большого внешнего мира знают о жителях Вельшино всё, то они наверняка знают, где в тайге притаились зимники охотников. Да и вообще возможности людей из Большого внешнего мира поражают. Перед глазами тут же промелькнула большая машина с огромной металлической рукой, что так легко и быстро валит не такие уж и маленькие берёзы и сосны на том берегу реки Шушбай.

Во дела! От удивления Юрий разинул рот. Оказывается, он не единственный, кто сумел удрать из деревни, но так и не успел удрать достаточно далеко. Впереди мелькнуло серое платье и растрёпанные волосы какой-то женщины. Три летуна, один впереди, два сзади, сопровождают односельчанку. И кто же она? Юрий прибавил шаг.

Антонина. Юрий удивлённо отпрянул. Антонина Ушакова, старшая сестра мужа Федоры Ушаковой, родной сестры Юрия, что четыре года назад вышла замуж и покинула дом родителей. Платок сбился на затылок, волосы растрепались, а лицо побелело как снег. Но, самое страшное, это глаза Антонины. Сестра медленно бредёт по тропинке с широко распахнутыми глазами. Но всё равно кажется, будто она спит. Даже хуже: не спит, а бухая в стельку. Она ничего не соображает и ничего не замечает. Кажется, будто летун, что летит перед ней, ведёт сестру на невидимом поводе.

– Антонина, – тихо позвал Юрий

Никакой реакции. Взгляд сестры устремлён вперёд и, одновременно, в никуда.

– Антонина, – ещё раз позвал Юрий, но уже без всякой надежды.

От столь несуразного зрелища Юрий растерялся и невольно ускорил шаг. Очень скоро старшая сестра осталась позади, однако три летуна всё так же ведут её по направлению к деревне. Что же делать? Юрий на миг обернулся. В иной ситуации он отвёл бы её домой, передал бы родне на руки. Но то в иной. А что ждёт их всех сейчас?

Впереди показалась околица. Юрий машинально поднырнул под перекладину поперёк дороги. Летуны просто пролетели над ней. Пустая улица навевает страх. Юрий едва не споткнулся на ровном месте. Кажется, что все односельчане просто ушли на воскресную службу. Ворота и калитки закрыты, недовольно лают собаки. Но на самом деле...

– О, господи, – тихо ахнул Юрий.

В доме Суслоновых кто-то есть. Над крыльцом неподвижно висит летун. Изнутри то и дело доносятся тяжёлые шаги и скрип. Юрий прибавил шаг. Кто бы там не был, но он явно не человек.

Сердце сжалось в дурном ожидании, когда летуны вывели Юрия на площадь перед церковью. Он ожидал узреть кучи мёртвых и растерзанных тел односельчан, а так же огромные и страшные лужи крови. Ничего подобного. Действительность оказалась иной, совсем иной.

В очередной раз Юрий застыл на месте и вылупил от удивления глаза. Недалеко от церкви, на траве, замер летун. Но он не просто большой, а огромный и пузатый. Высотой не меньше избы, только гораздо длиннее. Над летуном очень странная штука. Две необычайно длинные доски сложены крестом. И зачем их поставили на эту летающую машину? Задняя

часть раскрыта, хотя ни ворот, ни дверей Юрий так и не заметил.

Сверху упал рёв, Юрий тут же задрал голову. В небесах шумят ещё два огромных и пузатых летуна. Точно такие же, что и тот, что замер недалеко от церкви. Неужели, Юрий опустил голову, это и есть те самые вертолёты? Призрачный человек в чудной чёрной одежде что-то там говорил о них.

– Ничего себе! – очередное потрясение Юрий не сумел снести молча.

Да, как Юрий и видел, множество односельчан голубые молнии летунов поразили прямо перед церковью. Однако крови нет вообще. Ни одно тело не разорвано и не поломано. Не видно даже кровавых ран, вообще ни одного даже самого мелкого пореза. Хотя нет, Юрий машинально склонил голову на бок. У Пахома Суслонова разбит нос, кровь заляпала бороду и рубаху. Только очень похоже на то, что Пахом сам долбанулся, когда упал прямо носом в землю.

Дальше больше и чуднее. Странные машины чем-то похожи на коней. Только, в отличие от коней, у каждой к четырём ногам ещё четыре руки. Толстые ступки больше похожи на копыта. Однако, как ни странно, машины аккуратно раскладывают односельчан рядами. Отдельно, прямо на траве рядом с церковью, сложены пять человек. Ещё одна машина весьма ловко обтёрла лицо Силуяничны белой тряпочкой. Нога старухи плотно перевязана. У ещё одного мальчишки, Юрий забыл его имя, лицо накрыто какой-то странной штукой, из которой торчит полупрозрачная трубка. Однако парень жив. Можно заметить, как ритмично вздымается его грудь. В это трудно поверить, но машины оказывают помощь тем, кто в ней нуждается. Точнее, кто умудрился сам разбить нос или поломать ногу.

Грохот с небес усилился. Юрий резко повернул голову. На той стороне площади свободное место. Машины с четырьмя руками отнесли всех людей в стороны. Ещё один пузатый летун, точнее, вертолёт, вот-вот плюхнется на свободный пятачок зелёной травы.

– Иди к вертолёту. Иди к вертолёту.

Стальной холодный голос будто разбудил после долгого сна. Юрий тряхнул головой. Это один из трёх летунов, что по-прежнему с тихим жужжанием висит возле него. Только зачем идти к вертолёту? Однако спросить Юрий так и не решился. Вместо этого он послушно направился к огромному и пузатому летуну. Он сейчас не в том положении, чтобы надоедать машинам вопросами. Не похоже, что эти адские отродья убили всех односельчан, однако это не значит, что этого не случится чуть позже и в другом месте.

Страхи за собственную судьбу и будущее односельчан разом вылетели из головы, когда Юрий подошёл к распахнутой части пузатого летуна. Вместо них в нём проснулось жуткое любопытство. Ещё бы! Юрий никогда не видел, как устроены все эти машины, но то, что в них можно заглянуть, убедился ещё на берегу реки Шушбай.

Во внутрь вертолёта ведёт железная доска. Но не узкая, как обычная деревянная, а необычайно широкая и длинная. Юрий осторожно вступил на неё. Пальцы из подранного лаптя тут же ощутили холодный металл. Оказывается, внутри летуна целая комната. Пусть она не очень широкая, зато длинная. По бокам полати, ну или просто широкие полки. Интересно, для чего? Любопытство – страшная сила, Юрий остановился. Пальцы осторожно пощупали полки и стойки. На вид металл, но на металл совсем не похоже.

– Не останавливайся. Не останавливайся, – холодный стальной голос упорно толкает в спину.

Юрий обернулся. За спиной остался всего один летун. Остальные два куда-то улетели. Впрочем, сбежать всё равно не получится. Да и зачем? Юрий двинулся дальше.

Между полками, или, всё же, полаты, достаточно широкий проход. Лапти неуверенно шуршат по железному полу.

– Не останавливайся, – вновь прикрикнул летун.

Но любопытство, то самое коварное любопытство, окончательно захлестнуло Юрия. По крайней мере здесь и сейчас машина его не убьёт. А раз так, то самое время глазеть по сторонам и, прости господи, восхищаться. Юрий распрямил спину и расправил плечи. Раз летун требует идти дальше, то пусть так оно и будет.

Гораздо более уверенными шагами Юрий протопал в глубину вертолётки. Смог бы пройти и дальше, но упёрся в заднюю стену.

– Сядь. Пристегнись, – скомандовал летун.

А, ну да, Юрий улыбнулся. Вдоль задней стены ряд чудных стульев. Они все одного цвета со стеной, почему Юрий не сразу заметил их. Даже на вид стулья очень мягкие и удобные. Ни у кого в деревне нет ничего подобного. О! А это ещё интересней! В стене летуна нашлось окошко. Странное окошко, круглое, и вряд ли его получится открыть. Но, главное, через него видно крыльцо церкви. Юрий тут же опустился на стул возле круглого окна. Задница и спина ощутили очень приятную мягкость, будто на перину сел. Юрий опустил глаза, руки сами собой легли на широкие и мягкие подставки. В груди тёплой водой расплескался восторг. Как ни странно, но сидеть и в самом деле очень даже удобно. Только что значит «пристегнись»?

Надо спросить летуна. Только, Юрий аж подался вперёд, но тут же плюхнулся обратно на мягкий стул, того уже нет. Исчез. Улетел. Зато прямо по проходу шагает одна из тех машин, что Юрий увидел перед церковью. Все четыре руки мягко, можно даже сказать нежно, держат Антонину.

Сестра в себя так и не пришла. Её взгляд как и прежде пустой, а лицо белое, как снег. Только губы что-то шепчут. Юрий прислушался. Очень похоже на «Отче наш». Машина аккуратно опустила Антонину на мягкий стул. Две железные руки придержали сестру за плечи, а две другие вытащили из боков тёмные полосы плотной ткани. Щелчок. Потом ещё один щелчок. И вот уже Антонина будто привязана к мягкому стулу тёмными полосками ткани крест накрест.

Ого, наверно, это и есть то самое «пристегнуться». Юрий пошарил руками рядом с собой. Пальцы нащупали точно такие же полосы плотной ткани. На концах трёх из них что-то вроде железной пряжки, а на четвёртой что-то очень похожее на замок. Юрий глянул на Антонину, точнее, на её живот. Понятно, это легко. Щёлк, щёлк и щёлк. И вот уже он сам будто привязан к мягкому стулу. Впрочем, Юрий подёргался и пошевелил руками и ногами, удобно и не мешает. А если... Указательный палец ткнулся в блестящую штучку на замке, все четыре полосы плотной ткани тут же разъединились и отвалились в стороны. Понятно, если что, то и выбраться будет нетрудно. Юрий вновь пристегнулся.

А что теперь? Летуна не видно и не слышно. Антонина всё ещё не в себе и вряд ли станет сама собой в ближайшее время. Юрий откинулся на мягкую спинку, руки легли на удобные подставки. Придётся ждать. Он сделал всё, что от него потребовала машина, а потому не только жив, но и не валяется на траве бесчувственным бревном как все остальные. Это хорошо.

В голову пришли слова отца – сбылась мечта идиота. Юрий грустно улыбнулся. Звучит обидно, но так оно и есть. Он так хотел посмотреть Большой внешний мир. Так хотел. Так! И вот, пожалуйста, Большой внешний мир сам пришёл к нему. И не просто пришёл, а нагрязнул,

вторгся с криками односельчан и треском голубых молний.

Кстати, это даже хорошо, что ему сперва удалось избежать голубых молний сначала здесь, перед церковью, а потом, на берегу Шушбай, летуны сами не стали в него стрелять. А то, Юрий хлопнул ладонями по мягким подставкам для рук, валяться бы ему вместе с остальными односельчанами сейчас перед церковью без чувств. И вот тогда было бы действительно больно пропустить всё самое интересное. Только сейчас до Юрия окончательно дошло, что на самом деле летуны так никого и не убили. Непонятным образом те голубые молнии только лишь усыпили людей. А посмотреть и в самом деле есть на что.

Чудные машины с четырьмя металлическими руками вновь появились в брюхе вертолёт. Юрий не сразу сообразил, что они делают. А когда понял, то опять удивился. Оказывается, машины принялись заносить односельчан в этот самый вертолёт и аккуратно, чуть ли не с любовью, укладывать на полки. Точнее, Юрий мысленно поправил сам себя, на полати. Точно такими же полосками плотной ткани с железными штуками машины привязывают людей к полатам. Но руки всё равно у всех остаются свободными. Это, Юрий наморщил лоб, для пользы самих односельчан. Всё идёт к тому, что их куда-то повезут.

Да, точно, повезут. Юрий резко выпрямился на мягком стуле. Перед тем, как летуны принялись палить во все стороны голубыми молниями, тот призрачный человек в чудной чёрной одежде что-то говорил о каком-то «Благодатном мире». Ещё он говорил о каком-то переселении. И то и другое внушает надежду, однако старуха Никитишна почему-то всё равно испугалась. Она знает, точно знает, что это за «Благодатный мир» такой и почему его нужно бояться.

Страх вновь взял за горло, а пальцы судорожно вцепились в мягкие подставки под руками. Юрий тихо захрипел. Да что же это такое происходит? Старики прекрасно знают, что такое «Благодатный мир», однако никогда и никому о нём не рассказывали. Или, Юрий нахмурился, всё не так уж и страшно? Вон, отец Кондрат постоянно пугает адом. Но и он никогда не пугал односельчан «Благодатным миром». Юрий тут же расслабился. Неужели получается, что этот самый «Благодатный мир» не настолько страшен, как ад с его чертями и котлами с кипящей смолой.

Глаза сами собой уставились в круглое окошко. Ого! Юрий тут же наклонил голову, нос упёрся в толстое стекло. Машины с четырьмя железными руками уже разложили людей по площади перед церковью длинными рядами. И теперь они принялись таскать неподвижные тела односельчан в пузатый летун, что сел на той стороне площади. Однако не только тех, кого голубые молнии поразили прямо перед церковью.

– Дед Антон? – от удивления Юрий упёрся руками в круглое окно.

Одна из машин пронесла мимо деда Антона. Четыре железные руки держат грузного старика с густой бородой и в одной лишь длинной серой сорочке словно огромного младенца. Юрий тихо рассмеялся. Что самое интересное, дед Антон не спит, а с огромным интересом пялится по сторонам. Дальше больше – он рад. Да, точно рад, глаза деда Антона сверкают от радости. Его губы шевелятся, но это не молитва «Отче наш». Тем более странно, и, Юрий нахмурился, совсем непонятно.

Что дед Антон, что старуха Никитишна, они оба знают, что такое «Благодатный мир». Однако этот самый «Благодатный мир» деда Антона обрадовал, а старуху Никитичну напугал.

Глава 5. Далёкое путешествие

Над головой что-то заурчало, зашипело и загудело. Юрий оторвался от круглого окошка. Он и не заметил, как машины с четырьмя руками уложили односельчан на полати и пристегнули их. Свободных мест больше нет. Хоть свободных мягких стульев ещё полно. Да и вход в пузатого летуна закрыт. Юрий не заметил, как это произошло.

Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что произойдёт дальше. Однако пальцы всё равно судорожно вцепились в мягкие подставки для рук, а душа убежала в пятку. Юрий напрягся всем телом. Но, вот оно, то самое, любопытство, глаза вновь уставились в круглое окно.

Над головой уже не просто что-то урчит и шипит, а орёт дай боже. Неужели тот странный крест из очень длинных досок принялся крутиться? Очень похоже на то. Стены, пол и мягкие стулья вертолёта мелко-мелко затряслись. В уши будто кто-то напихал сырой ваты.

– О, господи, – тихо пискнул Юрий.

Он ждал этого момента. Ждал. Но всё равно жутко испугался, когда пузатый летун в очередной раз сильно дрогнул, и... Оторвался от земли. Через круглое окно Юрий увидел, как земля, площадь перед церковью с зелёной травой, плавно пошла вниз, будто провалилась. Хотя, конечно, на самом деле это взлетел вертолёт.

Ничего ужасного так и не случилось. Юрий вымученно улыбнулся, былой страх быстро оставил его. Пальцы, что было вцепились в мягкие подставки для рук, разжались. Юрий вновь прилип к круглому окну в стене пузатого летуна. То, что он увидел, захватило дух. Вертолёт быстро поднялся в небеса. Впервые в жизни Юрий узрел родную деревню с большой высоты. Вот она церковь, площадь вокруг неё и дома, что так смешно протянулись вдоль нескольких коротеньких улиц. Вот поля, чуть в стороне луга. И лес. Огромная величественная тайга разбежалась во все стороны насколько хватает глаз.

А это что такое? Юрий прижался щекой к прохладному стеклу, ладони упёрлись в стену пузатого летуна. Внизу, между деревьями, протянулась тёмная лента. Да это же река! Река Шушбай! Юрий только сейчас сообразил, что вертолёт не просто взлетел, а полетел на юг. Как раз в ту сторону, куда Юрий бегал, чтобы поглазеть на Большой внешний мир. Ну, точно! Душу переполнил дикий восторг. А вон те самые кедровые посадки. Господи, насколько же они на самом деле длинные. Юрий качнул головой и всего два человека, те самые мужчина и женщина, сотворили всё это. Конечно, сотворили не в одиночку, а с помощью больших и чудных машин.

О-о-о! Юрий шумно выдохнул. А вот и они. Кедровые посадки выделяются широкими и ещё более длинными полосами. Недалеко от них сверкает красной крышей просторный дом с белыми стенами. Даже очень просторный и с несуразно широкими окнами. Ё-ё-ё! Неужели у него целых два этажа? Рядом ещё какие-то постройки. Среди них серебряным блеском выделяется особенно широкий и длинный сарай. Неужели он из железа? Огород, ещё сарайка с блестящими стенами и крышей. Дороги, забор, коротко скошенная трава. Самое главное, даже с высоты Юрий узнал ту самую чёрную машину на четырёх колёсах, что привозила людей на берег реки Шушбай.

О-о-о! Невероятно! Недалеко от крыльца две крошечные фигурки. Лиц не разглядеть, но это они, те самые мужчина и женщина, за которыми Юрий украдкой наблюдал столько лет.

Увы, Юрий плюхнулся обратно на мягкий стул, дом с красной крышей и те двое людей быстро скрылись под брюхом вертолѐта. Однако чудеса продолжаютя. Юрий не сразу понял, что тѐмно-коричневое пятно под ним должно быть болото. Да, точно болото. А ещё вон там река, и сразу несколько кривых пятен озѐр. Смотреть на тайгу с большой высоты очень даже интересно. Юрий вновь прилип к круглому окну.

А это что? Река? Юрий нахмурился. Если река, то почему такая странная? Нет! Это же дорога! Точно дорога. Тѐмно-зелѐные сосны будто прорезает чѐрная лента. Маленькие продолговатые коробочки синего, красного и белого цвета должно быть машины. Да, точно машины. Они все похожи на ту чѐрную, что Юрий видел на берегу Шушбай.

Время будто остановилось. Юрий начисто забыл о сестре, что всё так же сидит рядом и неслышно шепчет «Отче наш». Забыл даже о рѐве над головой и забитые ватой уши. Это всё ерунда, досадные мелочи. Юрий во все глаза уставился на землю под вертолѐтом.

– Красота, – тихо выдохнул Юрий.

Чѐрная лента дороги будто чиркнула по краю деревню людей из Большого внешнего мира. Да-а-а... Это не убогое и серое Вельшино, Юрий скривился. Без проблем можно узнать огороженные участки, проезды и дома. Но краски. Сколько же здесь ярких красок. Все дома в два этажа, крыши красные, где синие, где зелѐные, а где, Юрий лишь качнул головой, он даже понять не может, какого цвета. Крошечные фигурки людей. С большой высоты не разобрать ни мужчин, ни женщин. Единственное, дети, ещё более маленькие и шустрые дети. И, конечно же, машины. Много машин. Машины во дворах, либо рядом, через заборы на улицах.

Увы, Юрий едва не вывернул шею, но и деревня людей из Большого внешнего мира быстро скрылась за тѐмно-зелѐной пеленой тайги. Восторг потихоньку улетучился, на душе вновь стало грустно. Во истину, всё познаѐтся в сравнении. Деревня людей из Большого внешнего мира вся такая чистая, цветная и необычайно красивая. Как было бы здорово жить там. Юрий и раньше знал, что его родное Вельшино весьма серое и убогое место. Знал, но только сейчас понял, насколько же оно серое, убогое, да ещё и грязное.

Однако чудеса продолжаютя. Под пузом летуна всё чаще и чаще стали мелькать чѐрные ленты дорог. Одна из них поразила Юрия шириной. Нет, это даже две дороги, между которыми узкая полоса зелѐной травы. Причѐм, машины на них катят в разные стороны. Да и сами машины не только на четырёх колѐсах. Нет. Юрий, бог знает какой раз за этот день, удивился, когда в кузове одной очень длинной машины узнал поваленные и ободранные стволы деревьев. И таких кузовов большая белая машина легко и быстро тащит за собой аж целых две штуки. Были и другие, словно длинные коробочки. И вообще странные с одной, но очень большой металлической рукой.

Вертолѐт плавно развернулся. Юрия слегка прижало к стене. Внизу показалось большое почти круглое озеро и причудливо изогнутая лента реки. Но ещё дальше, Юрий аж крикнул от удивления, не просто деревня. Нет. Это, это, голова вспухла от напряжения. Это очень и очень большая деревня. Если по краям ещё можно узнать знакомые домики в один или два этажа с яркими цветными крышами, то центр густо заставлен каменными домами, широкими и очень высокими. Сразу несколько дорог из конца в конец пересекают огромную деревню. А машины... Юрий качнул головой. Их не просто много, а очень много. По лентам дорог в самых разных направлениях мчится множество самых разных машин. Улицы огромной деревни так вообще кишат ими, как муравьи в муравейнике.

– Ого... – тихо протянул Юрий.

Ещё одно дорога пересекает огромную деревню. Сверху она похожа на две тропинки. По одной из них скользит машина, но очень странная, очень длинная, словно гусеница. Впереди красная с белым машина, а сразу за ней очень много то коричневых, похожих на коробочки, то маленькие бочонки, то... Юрий захлопнул рот. У него просто нет слов, чтобы пересказать, что он видит. Единственное, на севере огромной деревни странная дорога распускается на десятки «тропинок» И на большей части из них встали те самые длинные вереницы машин, что так похожи на гусениц.

Но вот и огромная деревня осталась позади. Да никакая она и не деревня. Юрий потрянул головой. Город! Вот как она называется. Дед Лука рассказывал, что раньше он жил в каком-то городе. Да, как раз в городе множество больших и высоких домов из кирпичей. Именно в городе подобных домов много, и совсем нет огородов. За давностью лет Юрий забыл, как это люди обходятся без огородов. Небольшие куски зелени, что щедрой рукой разбросаны по городу, назвать огородами или хотя бы лугами никак нельзя. Но, с другой стороны, что он вообще знает о Большом внешнем мире? Да ничего, если не врать самому себе.

А полёт всё продолжается и продолжается. Юрий даже притомился. Слишком, слишком много чего он успел увидеть того, о чём раньше даже не подозревал. Чёрные ленты дорог для машин на четырёх колёсах уже перестали его удивлять. Другие дороги для длинных «гусениц» так же приелись. Деревни людей с яркими крышами аккуратных домиков тем более перестали удивлять. Другое дело, насколько же Большой внешний мир и в самом деле большой.

– Ничего себе! – Юрий вновь прижался носом к круглому окну.

Пузатый летун приближается к городу. Но этот город не идёт ни в какое сравнение с тем, что был раньше. Это, это.... Глаза Юрия забегали из стороны в сторону, огромный город! Если первый можно было окинуть одним взглядом, то края этого теряются где-то впереди. Кажется, будто два озера стиснули его с двух сторон. Да какое там стиснули! Юрий криво усмехнулся. На самом деле огромный город будто всосал оба озера в себя. Дома и улицы окружили их со всех сторон. Ещё более длинные полосы зелени, где-то с деревьями, где-то просто с травой, тянутся к воде. Даже издали можно заметить, что некоторые улицы выделяются над прочими шириной и прямоотой.

Большое количество самых разных дорог сбегается к городу со всех сторон. Можно подумать, будто внизу эдакий огромный паук с ещё большим количеством лапок. Одна из дорог охватывает город и озёра кольцом. Или не охватывает? Юрий наморщил лоб. Как жаль, что никак не получается разглядеть дальний край города.

Но больше всего размеры города подчёркивают небольшие, по сравнению с самим городом, деревни с уже знакомыми домиками с яркими крышами. Они, словно капельки росы, повисли в большом количестве на чёрных паутинках дорог.

А это что такое? Юрий потёр лоб. Вертолёт как раз приближается к ещё одной очень странной куче больших домов. Эти словно огромные грязно-серые коробки. На дома для людей никак не похожи. Хотя то тут, то там торчат высокие, даже слишком высокие, кирпичные и серые трубы. И, Юрий проследил глазами, подобных странных домов на окраине большого города хватает. Пусть не все они грязно-серые, есть даже красивые и цветные, но всё равно не верится, будто люди Большого внешнего мира живут в таких несуразных и длинных домах, где даже нет нормальных окон. Хотя ряды окон блестят вдоль стен огромными стёклами и даже на крыше.

Грусть сдавила грудь, Юрий слабо качнул головой. Какой же на самом деле Большой

внешний мир большой. Нет. Он огромен! Невероятно огромен! Отец Кондрат много раз говорил, что настоящие люди уцелели лишь в диких лесах. Однако жители Вельшино, да ещё нескольких деревень в округе, на самом деле лишь жалкая кучка. В Большом внешнем мире живёт невероятно много людей. Даже в голове не укладывается, насколько их на самом деле много. Все эти деревни вдоль дорог, город и очень большой город. Голова кругом.

Но самое печальное даже не это, Юрий грустно усмехнулся. Он раньше только подозревал, что люди в Большом внешнем мире живут иначе. Но только сейчас, через круглое окно в стене пузатого летуна, до него дошло, насколько же иначе. Юрий много чего не понимает и вряд ли сумеет понять в ближайшее время. Но то, что у людей в Большом внешнем мире красивые, цветные и просторные дома, в этом он уже успел убедиться.

Пузатый летун качнулся из стороны в сторону. Юрий вцепился пальцами в подставки для рук. Душа ухнула от страха в пятки, но вернулась обратно в грудь. Юрий глянул в круглое окно. Понятно. Вертолёт начал постепенно снижаться. Было бы здорово пролететь над этим большим городом. Но нет, не судьба. Пузатый летун завис над его окраиной.

Юрий вновь прилип носом к прохладному стеклу. Бог знает почему, но в душе поселилась уверенность, что длинное и очень далёкое путешествие подходит к концу. Ещё бы понять, куда это его привезли.

Под брюхом летуна предстали те самые грязно-серые огромные и длинные дома. Их больше, чем у Юрия пальцев на руках. У всех по бокам длинные окна, и даже на крышах блестит стекло. Зато, с более близкого расстояния, Юрий сумел разглядеть большие жёлтые ворота по торцам грязно-серых домов.

Впрочем, в стороне стоит ещё один. Он вообще чудной. Внешне тот дом похож на сундук. Стены и ровная крыша приятного синего цвета, только почему-то волнистые. Лишь в одном месте Юрий заметил всё те же жёлтые ворота.

Пузатый летун дёрнул в сторону. Почти под самым брюхом промелькнул какой-то красный дом. Что самое примечательное, из него торчит высокая и тоже красная труба. И вновь всё те же широкие окна и жёлтые ворота. Земля всё ближе и ближе. Лёгкий толчок возвестил об окончании путешествия. Юрий поднял глаза.

Глава 6. Что происходит?

Вертолёт сел недалеко от большого белого дома с широкими окнами. Что самое интересное, дом сложен из кирпичей, только не привычных красных, а из светло-серых, почти белых. Зато он гораздо больше похож на жилой. Хотя в нём не один, а целых пять этажей под плоской крышей. Сбоку видны всё те же жёлтые ворота, однако, Юрий качнул головой, насколько же на самом деле они большие! Если раздвинуть створки, то разом и легко проедет не меньше двух телег. А ещё на первом этаже можно рассмотреть двери. Но, опять же, не низенькие двери, как в деревенских избах, а широкие и высокие. Интересно, Юрий усмехнулся, неужели жители этого дома не боятся выстудить тепло? Поди, и без того нужна уйма дров, чтобы как следует протопить столь большой дом в студёную зиму.

О-о-о... Ещё кое-что интересное, это земля. Юрий ожидал увидеть либо коротко скошенную траву, либо светлую хорошо утоптанную землю. Последнее самое верное, если прикинуть, сколько людей живёт в Большом внешнем мире. Ничего подобного! Странная пыльная и серая корка, крепкая на вид, хоть и с трещинами, не оставила места ни для травы, ни для утоптанной земли.

Шум над головой постепенно сошёл на нет, зато загудели уши. Юрий пощупал их. Кажется, будто «сырая вата» принялась потихоньку подсыхать, но когда она исчезнет полностью, это ещё тот вопрос. Антонина всё так же сидит на мягком стуле. Тёмные ленты из прочной ткани и замок на животе всё так же не дают ей упасть на пол. Её глаза всё так же пусты, а лицо белое, как снег. Единственное, она перестала беззвучно шептать «Отче наш». Это даже обидно. Ведь сестра, в жутком страхе своём, начисто проворонила очень увлекательное путешествие по воздуху. Сам Юрий в своей жизни не видел ничего подобного. И будет очень жаль, если хоть что-то подобное так и не получится увидеть хотя бы ещё раз.

– Юрий Сварин, покиньте вертолёт. Снаружи вас встретят и проводят.

От неожиданности Юрий дёрнулся, голова стукнулась о стену за спиной. Холодный стальной голос раздался откуда-то сверху. Или, Юрий потёр ушибленный затылок, это с ним заговорил сам пузатый летун? А почему бы и нет? Ведь он тоже машина, как и прочие летуны. Вон, даже голос похож, словно из железа.

Палец ткнулся в блестящий замок на груди. Щелчок, четыре ремня рассыпались в стороны. Юрий осторожно поднялся на ноги. От долгого сидения на одном месте тело немного затекло, а голова слегка закружилась. Как-никак, а он больше часа летел в небе как птица. На проверку незнакомые ранее ощущения оказались не самыми приятными. Но всё равно это было здорово.

Свет впереди зовёт и манит. Как же, всё-таки, хочется выйти наружу и вновь оказаться на свежем воздухе. Однако прямо в проходе между полатами Юрию пришлось остановиться и даже отступить назад. Первыми в раскрытую заднюю часть вертолёта прошли две машины. Они очень похожи на те, что собирали бесчувственных односельчан перед церковью, только размерами несколько меньше, и рук всего две у каждой. Зато та, что впереди, толкает перед собой чудный стульчик на колёсах. Причём, два передних совсем маленькие, буквально с ладонь, зато два задних огромные, в половину мягкой спинки чудного стула.

Можно, и даже нужно, выйти на улицу, но Юрий опять остановился и оглянулся. Всё же интересно, чего это две машины с руками забыли в брюхе летуна? Ответ нашёлся тут же. Антонина Ушакова в себя так и не пришла. Старшая сестра сидит так, будто спит с

открытыми глазами. Единственное, при виде двух машин, её губы вновь принялись беззвучно шептать «Отче наш». Между тем машины аккуратно отстегнули Антонину от мягкого стула и очень ловко, можно даже сказать нежно, пересадили в чудный стул на колёсах. Ага, Юрий кивнул, теперь понятно, зачем он нужен. Чёрные ленты крест накрест привязали Антонину к мягкой спинке. Не будь этих полос, то сестра непременно сползла бы на пол. Будто и этого мало, запястья Анастасии приковали двумя скобками к подставкам для рук. Юрий не стал ждать, пока машины выкатят Антонину наружу, и первым поспешил проскочить через проход между полатами.

Яркий свет ударил по глазам, Юрий тут же сощурился. Не так давно он смотрел на Большой внешний мир с высоты. Теперь ему предстоит делать тоже самое, но уже с земли. Интересно, Юрий развернулся на месте, куда это его привезли?

Тёмная и пыльная корка под ногами и в самом деле оказалась твёрдой. Лапти шаркнули по ней, словно напильник по доске. Юрий болезненно поморщился. Плохая идея. Пальцы ног, что торчат наружу через разбитые лапти, будто обожгло горячей водой. Но это ладно.

Пузатый летун приземлился по среди пустыря. Ну, не совсем пустого пустыря. Там, дальше, тот самый пятиэтажный дом с большими окнами. Зато за спиной самый настоящий лес и дорога, по которой с шумом катят большие и малые машины на колёсах. Но о том, чтобы удрать, лучше не думать. Юрий едва сдержался, чтобы не подойти ближе и не пощупать собственными руками. Куда не кинь взгляд, повсюду высокие заборы. Что самое интересное, между железными столбами натянута сетка, почти как рыболовная, только она тоже из железа. Юрий поднял голову. Конечно, по ней можно забраться, только всё равно ничего не получится. Самый верх и без того высокого забора загнут полукругом во внутрь. Наружу не перебраться, только, скорее, шею свернуть.

Резкий скрип и шелест. Юрий, словно ужаленный, развернулся на месте. Оказывается, высокие железные заборы делят пустырь на длинные проходы. Как раз в соседнем остановились две огромные, словно буханки чёрного хлеба, машины. Каждая на четырёх колёсах. Боковые стены выше половины застеклены. Вот для чего, оказывается, нужны такие машины.

Сбоку у машины распахнулась дверь. Наружу пёстрой толпой высыпала куча людей. Все такие чудно одетые и загорелые. Бородатые мужчины и женщины, подростки, дети и ещё более бородатые старики. У всех без исключения на лбу красные точки. Короткие портки и рубашки без рукавов и воротников. На женщинах странные цветные платья. Кажется, Юрий прищурился, или это и в самом деле всего лишь один кусок ткани, что ловко обёрнут вокруг тела. Дети, подростки и некоторые взрослые вообще босы. У остальных на ногах странная обувь: тонкие дощечки на серых верёвочках. Хотя, Юрий задумчиво склонил голову, в жаркую погоду такая обувь самое то.

Дети загалдели, взрослые заговорили. Ничего себе! Юрий невольно подался назад. Чудный язык, ни хрена не понять. Неужели это такие же люди, как и он сам? Они тоже все удивлены, тоже озираются по сторонам и жмутся в одну кучу, словно боятся чего-то. Или их тоже поймали прямо в лесу? Тогда почему их привезли в этих больших машинах с длинными окнами?

К странным сильно загорелым людям подкатила машина. Таких Юрий ещё не видел. Кажется, будто это ступа на колёсиках с метлой. Низкое металлическое тело, две тонкие железные руки, угловатая голова на длинной гибкой шее. У машины имеется некое подобие лица, глаза и рот. Только носа нет. Странная машина заговорила громко и пронзительно.

Однако сильно загорелые люди её прекрасно поняли. Большая толпа послушно потянулась за машиной с длинной шеей в сторону пятиэтажного дома.

– Юрий Сварин, – раздался рядом металлический голос.

– Да, – Юрий повернулся.

Перед ним остановилась точно такая же говорящая машина с длинной шеей и тонкими руками. А, это, Юрий пошарил руками. Оказывается, пока он пялился на сильно загорелых людей, две другие машины укатили Антонину на чудном стульчике к пятиэтажному дому.

– Следуйте за мной, – машина развернулась на месте и покатила к пятиэтажному дому.

– Хорошо, – только и успел вымолвить Юрий.

Высокий пятиэтажный дом с большими окнами всё ближе и ближе. Про себя Юрий самодовольно улыбнулся. Это хорошо, что у него хватило ума не брыкаться. Машины поняли это, а потому позволили ему ходить на своих двоих и озираться по сторонам. Тем более высокие заборы со стальными сетками вместо нормальных досок тянутся вплотную к стене пятиэтажного дома. Проще говоря, всё равно не удрать.

Ого, Юрий задрал голову. А пятиэтажный дом гораздо выше и длиннее, чем показалась сначала. Прямо на глазах Юрия в стене распахнулась большая квадратная дверь. Причём, сама дверь убралась к верхнему косяку, сложилась как ткань длинными узкими полосками. Наружу выкатила толпа уже знакомых машин с четырьмя ногами и четырьмя руками. Только, куда они? Юрий проследил глазам. Понятно, куда же ещё? Это даже стыдно, что он начисто успел забыть об односельчанах, что так и остались лежать в брюхе летуна на полатах. Точно такие же машины, что собрали людей перед церковью в Вельшино, сейчас перетаскают их... А куда их перетаскают? Да всё туда же.

Сильно загорелые люди с точками на лбах нестройной толпой почти втянулись во внутрь пятиэтажного дома через такую же квадратную дверь. Машина с длинной шеей, что говорила с ними, осталась снаружи. Впрочем, Юрий глянул перед собой, машина, что велели ему идти за собой, всё также катит на колёсиках впереди к квадратной двери, из которой уже вышла толпа машин с четырьмя руками.

Улица осталась за спиной. Говорящая машина провела Юрия через широкий коридор в просторную и высокую комнату. Да такую просторную, что в неё запросто влезла бы изба отца. Правда, Юрий с интересом огляделся по сторонам, если снести с неё покатуую крышу.

– Садись, – тонкая металлическая рука указала на ряд мягких стульев возле стены.

Юрий послушно опустился на указанное место. Ладони сами собой легли на мягкие подставки для рук. Эти стулья почти один в один похожи на те, что находятся у задней стены в брюхе летуна. Только цвет другой, коричневый такой. Но сидеть всё равно приятно. Правда, Юрий склонил голову, узких полосок ткани с железным замком здесь нет.

– Жди здесь, – приказала говорящая машина. – Терпеливо жди. За тобой придут.

– Хорошо, – ответил Юрий, но говорящая машина уже потеряла к нему интерес и быстро укатила куда-то в сторону.

И снова ждать. Юрий, как мог, устроился поудобней. Кого ждать, зачем ждать – а бог его знает. Ну а что ещё делать? Глаза вновь с любопытством стрельнули по сторонам. К белому потолку приделаны какие-то непонятные рамы. Лучше бы крючки для светильников повесили бы. Впрочем, сейчас нет никакой нужды в светильниках. Через широкие окна во внутрь вливается белый дневной свет. Ряд мягких стульев у внешней стены с подставками для рук. По большей части просторная комната заставлена широкими полатами. Даже на вид можно понять, что они мягкие и удобные. Неужели это спальня? Юрий склонил голову

набок. Неужели ему и всем прочим односельчанам предстоит здесь жить? Нет, это вряд ли. Ибо какой в этом смысл?

Чудный стул на колёсах нашёлся возле ближайших полатей. За мягкой спинкой торчит одна из машин с двумя железными руками. Антонина перестала беззвучно шептать «Отче наш», но её взгляд по-прежнему пустой. Хотя, Юрий вытянул шею, неестественной белизны уже нет. На щеках и скулах медленно и неуверенно проступает румянец. Нежданное вторжение Большого внешнего мира до ужаса напугало Антонину. Однако постепенно сестра приходит в себя. Да и в самом деле, чего бояться? Машины что с четырьмя руками, что с двумя, не причинили ей никакого вреда. А то, что запястья Антонины прикованы к подставкам для рук, так то для её же пользы, чтобы не болтались возле больших колёс и не попали между её тонких стальных спиц.

Сперва раздался тяжёлый топот, что так напугал Юрия, когда три летуна довели его до деревни. В просторную комнату повалили машины с четырьмя руками. Понятно, Юрий кивнул, чего и следовало ожидать. Машины принялись переносить односельчан из брюха вертолёта сюда. Заодно стало ясно, зачем здесь так много мягких полатей. Недалеко от Юрия четыре железных руки уложили Дияну Емелину, соседку через два дома. Прежде, чем уйти, железные пальцы аккуратно поправили ей платье, чтобы голые ноги похабно не торчала наружу.

Бойко, но слажено и без суеты, машины с четырьмя руками принялись заносить односельчан. Большая часть из них не подаёт признаков жизни, словно брёвна. Хотя некоторые из них начали слабо шевелиться. К топоту железных ног, что так похожи на копыта, добавились жалобные стоны.

Смотреть больше не на что, Юрий развалился на мягком необычайно удобном стуле, затылок упёрся в гладкую стену. Только и остаётся думать, а подумать есть о чём. К горло вновь подступил кислый комок беспокойства. Юрий никогда не считал себя дураком, но сейчас он упорно не понимает, что происходит? Конечно, было бы очень страшно, даже ужасно, если бы машины просто убили всех людей. По крайней мере, это понятно. Однако односельчан переловили словно мышей в подполе, а потом, весьма бережно, между прочим, привезли сюда. А вот это как раз совсем непонятно. Хотя... Юрий потёр ладонью лоб. Отец Кондрат, кажется, что-то там говорил о каком-то там договоре. Да, точно говорил. И почему, тогда, этот самый договор вдруг кончился?

Да! Юрий поднял голову прямо. Призрачный человек в чудной чёрной одежде говорил о переселении жителей Вельшино в какой-то «Благодатный мир». Именно «переселение» и ничто иное. Это тоже можно понять. Неужели этот самый «Благодатный мир» находится здесь, в большом городе? Это, конечно, будет здорово пожить в красивых и чистых домах, прокатиться, и даже полетать, на чудных машинах. Только, почему-то не верится, чтобы люди из Большого внешнего мира повесили бы себе на шею целую деревню дармоедов. Беспокойство отдалось дрожью в пальцах, Юрий нахмурился. Или их всех заставят работать? Это между прочим, тоже можно понять.

На ум тут же пришёл вечно грязный хлев с коровами и овцами. Юрий аж дрогнул от омерзения. Работать из-под палки, это можно. Только, опять же, зачем? У людей в Большом внешнем мире полно самых разных машин, сильных и неутомимых. Юрий сам видел, как они валят лес, пахут землю и сажают молодые кедры. Вот и здесь именно машины переносят односельчан из брюха летуна в эту просторную комнату. Если в этом большом городе существует хлев с коровами и овцами, то почему бы его чистку не поручить машинам?

Тогда, опять же, зачем всех жителей Вельшино привезли в большой город?

Даже больше, Юрий задумчиво скосил глаза в сторону. Длинные машины на колёсах, что так похожи на буханки чёрного хлеба, привезли сильно загорелых людей с красными точками на лбу. Неужели тоже для того, чтобы они чистили хлеб? Может быть, только, Юрий ухмыльнулся, не верится в это. Упорно не верится.

– Я живой? – вопрос больше похож на жалобный писк.

На полати, что находится недалеко от Юрия, пришёл в себя Аркадий Немцов, ещё совсем мальчишка. Ему, вроде как пятнадцать лет. Гулять ему на свободе года два-три, может, даже четыре, пока отец не женит его на какой-нибудь девице из соседней деревни. Юрию стало грустно. Вот уж точно, кто о чём, а вшивый о бане.

– Какого лешего? – Аркадий сел прямо. – Где это я?

Аркадий полностью пришел в себя. Пусть на лице страдальческое выражение, однако взгляд более чем осмысленный. Как Юрий догадался ещё в деревне, голубая молния не убила парня, а всего лишь усыпила, хотя и очень крепко.

– Добро пожаловать в Большой внешний мир, – произнёс Юрий.

– Ты, это, – глаза Аркадия уставились на Юрия, – уже очухался?

– Нет, – Юрий усмехнулся. – Мне почти удалось удрать, однако летуны всё равно поймали меня у Шушбай. Не знаю почему, только они не стали бить меня голубой молнией.

– То есть, ты струсил, – губы Аркадия скривились.

– Пусть струсил, – Юрий махнул рукой, спорить и что-то там доказывать нет ни малейшего желания. – Зато сейчас я не страдаю от головной боли. Заодно мне удалось увидеть много чего интересного. Оказывается, это те самые пузатые летуны привезли нас по воздуху на окраину очень большого города.

– Что значит «города»? – лицо Аркадия смялось от непонимания.

– Ну, это, – Юрий на миг задумался, – не просто большая деревня, а очень и очень большая. И дома в городе все такие высокие-высокие и красивые-красивые. Мне дед о городе рассказывал.

– Врёшь ты всё, – недоверчиво бросил Аркадий.

– Хочешь, верь, хочешь, нет, мне всё равно, – Юрий равнодушно пожал плечами. – Только отсюда всё равно не сбежать. Там, снаружи, – Юрий махнул рукой, – высокий забор. А перед лесом ещё широкая дорога такая, на ней машин много.

– А я всё равно сбегу! – Аркадий сполз с полати и упрямо поднялся на ноги.

«Малый, но бойкий» – именно так как-то раз сказал про Аркадия Немцова отец. У них порода такая. Спорить с мальчишкой бесполезно, да и не хочется. «Дурака учить, только портить». Это отец тоже говорил.

– Вон там, – Юрий ткнул пальцем, – широкий коридор. Пройдёшь его и окажешься на большой площади. Она ещё затянута серой и твёрдой коркой. Ещё дальше, ты сразу увидишь, лес будет. И забор увидишь, – Юрий тихо рассмеялся, – высокий такой, железный. Сумеешь перебраться через него, и ты свободен. Только будь аккуратней на дороге. А то машины по ней очень быстро ездят, оглянуться не успеешь. Это тебе не телеги. Удачи, – на прощанье добавил Юрий.

Не только отец, но и другие взрослые не раз говорили, что из Аркадия Немцова вырастет хороший охотник. Наверно, так оно и есть. Подросток как-то пригнулся, присел на коленях, будто и в самом деле превратился в рысь. Аркадий обогнул полати, но остановился в проходе перед мягкими стульями и оглянулся по сторонам.

– Э, погодь, – Аркадий выпрямил спину. – А ты почему не бежишь.

– Так я же струсил, – Юрий выразительно развёл руками.

– А, ну да, – Аркадий кивнул.

Это было бы очень смешно, не будь это так грустно. Аркадий, слово вор, прокрался к широкому коридору, что ведёт на улицу. Однако машины с четырьмя руками не обратили на него ни малейшего внимания. Односельчане, что были с Юрием в одном пузатом летуне, уже здесь, но он отлично помнил, что на площади перед церковью приземлился ещё один пузатый летун, а в небесах нетерпеливо ревел ещё один. Иначе говоря, машины с четырьмя руками продолжают и продолжают таскать в просторную комнату всё новых и новых жителей Вельшино, благо свободных полатей ещё хватает.

– Аркадий, да куда ты лезешь. Да..., – Юрий лишь махнул рукой.

Аркадий Немцов недолго с любопытством глазел по сторонам. Парень не придумал ничего лучше, как нырнуть в широкий коридор прямо перед носом машины с четырьмя железными руками.

– Аркадий Немцов, – долетел из широкого коридора холодный стальной голос, – остановитесь.

– Пошёл к чёрту! – донёсся в ответ визгливый голос Аркадия. – Я всё равно сбегу!

– Остановитесь. Сопротивление бесполезно, – дерзость деревенского паренька не произвела на машину никакого впечатления.

– Да пошёл ты!

Торопливые шаги оборвал хорошо знакомый треск. Юрий закатил глаза, чего и следовало ожидать. Аркадий Немцов парень бойкий, однако умом и сообразительностью никогда не отличался. За горячий и бурный нрав ему частенько перепадало от отца и деда. Вот и сейчас...

Из широкого коридора показалась машина. Та? Или иная? Юрий чуть приподнялся на мягком стуле. Да какая разница. Четыре железные руки бережно держат Аркадия Немцова. Голова растрёпана, рука безвольно свисает к полу. Юрий усмехнулся. Машина протопала мимо и опустила парня на те же самые полаты, где он очухался не так давно.

Признаться, Юрию самому не нравится происходящее. Только не стоит злить машины и людей, которые ими верховодят. Выходка Аркадия Немцова по-своему смелая, даже благородная, только всё равно глупая. Не дай бог, терпение у машин лопнет. И что тогда будет? Юрий отвёл взгляд, лучше даже не думать.

Время будто остановилось, Юрий лениво зевнул. Страх давно ушёл, а любопытство увяло. Остались только скука и безразличие. Чтобы его не ждало впереди, лучше не дёргаться. Желудок недовольно бурчит, кушать хочется. Но сколько ещё ждать? Да и будут ли его вообще кормить?

Глава 7. К чему такие сложности?

– Юрий Сварин, – Юрий поднял глаза, он и не заметил, как к нему подкатила машина с тонкими руками и длинной шеей, – следуйте за мной.

Это та же машина, или другая? Да какая разница, Юрий поднялся с мягкого стула. В Большом внешнем мире полно чудного и необычного. Это так. Но ещё в нём много чего совершенно одинакового. Те же машины с четырьмя руками и четырьмя ногами словно братья близнецы, отличить одну от другой не стоит и мечтать. Вот и говорящие машины с длинными шеями все на одно лицо. Однако, и это тоже нужно признать, они все знают его имя и уверенно говорят, что нужно делать и куда идти.

Машина с длинной шеей и тонкими руками на этот раз повела Юрия не на улицу, а мимо полатей в противоположную сторону. Односельчан, что пришли в себя, стало чуть больше. Однако люди до сих пор пребывают в полной растерянности. Мужики пугливо озираются по сторонам, а женщины вообще плачут. Юрий отвёл глаза. Разговаривать ни с кем не хочется. Да и что он может рассказать односельчанам? Да и поверят ли они ему? Вряд ли хотя бы половина из них слышала о городе. Вон, Аркадий Немцов и тот не поверил.

Прямо на ходу Юрий вытянул шею. Как ни странно, из просторной комнаты ведёт ещё один широкий коридор. В нём было бы темно, однако из тех самых квадратных рам под потолком льётся мягкий белый свет. Юрий остановился и разинул рот. Вот как, оказывается, в Большом внешнем мире люди освещают свои дома. Это не лучины, не коптилки и даже не свечи. Как это называется, Юрий понятия не имеет, но светит оно гораздо лучше, ярче и приятней. И, Юрий потянул носом, совсем-совсем не воняет горелым жиром или дымом.

– Не останавливайтесь.

Холодный стальной голос будто грубо толкнул в спину, Юрий торопливо дёрнулся с места.

В широком коридоре с ровными стенами полно дверей. Все одинаковые, тёмно-коричневые и тяжёлые на вид. На каждой какие-то надписи. Юрий недовольно просипел, пальцы сами сжались в кулаки. Увы, но читать он не умеет. А жаль. Очень похоже на то, что в Большом внешнем мире очень много самых разных надписей и пояснений.

– Вам сюда, – говорящая машина повернулась к Юрию лицом.

При их приближении дверь распахнулась сама собой. За порогом никого, вообще никого.

– И что мне делать? – Юрий пугливо заглянул во внутрь.

– Проходите, вам объяснят.

Вот так всегда, Юрий переступил порог. В Большом внешнем мире машины умеют говорить, однако ни любопытством, ни болтливостью они не отличаются. Да ещё двери, Юрий вздрогнул, умеют захлопываться сами собой.

И что теперь? Юрий замер на месте. Ещё одна комната, но не настолько просторная, где ему пришлось долго сидеть на мягком стуле и ждать. По середине стоит не просто стул, а такой внушительный стул. Спинка сильно наклонена назад. Уже знакомые подставки для рук отличаются шириной. А снизу пристроена небольшая полочка для ног. В таком стуле не то что сидеть, спать можно.

– Проходите и раздевайтесь.

– Что? – Юрий крутанулся на месте.

На этот раз сбоку раздался не холодный и стальной голос машины, а вполне живой и

человеческий. В стороне от входа широкое и длинное окно. За просторным стеклом Юрий только сейчас заметил двух человек в длинных белых одеяниях, что очень здорово напоминают подрясник отца Кондрата. Это мужчины, только ни бород, ни усов у них нет. А, ну правильно, Юрий расслабленно улыбнулся. В Вельшино из мужчин редко кто бреется, но отец Кондрат предпочитает тщательно брить щёки. Ибо только у него из всей деревни имеется хорошая стальная бритва. Её почему-то называют опасной.

– Э-э-э..., – растерянно протянул Юрий.

– Снимай всё, – сердито повторил мужчина, который на вид несколько старше второго. –

Вон там ящик, всю одежду туда. И садись в кресло.

Всё, так всё. Словно в тумане, Юрий развязал на поясе кушак и стянул через голову рубаху. Рядом с дверью, возле мягкой скамейки, и в самом деле нашёлся ящик, только не деревянный, а железный. А какая разница? Юрий аккуратно опустил на дно сложенную рубаху. На серой, почти светлой, ткани полно грязных пятен. Бегство через огород не прошло бесследно. Сверху легли штаны и портки. Последними Юрий пристроил лапти с портянками. Обувка хоть изрядно растрепалась, но только бог ведает, что Юрия ждёт в будущем.

– Нательный крестик тоже сними, – потребовал строгий мужчина.

Крестик? Юрий в нерешительности замер на месте. С раннего детства ему внушали, что нательный крестик всегда и везде должен быть на нём. Ибо он является символом принадлежности к церкви «Истинных людей», а так же его личным оберегом от злых сил. Впрочем, Юрий стянул через голову нательный крестик, его всё равно приходилось постоянно снимать по субботам перед помывкой в бане. Об этом Юрию никто не говорил, однако отец, мать и все прочие односельчане снимают нательные крестики, прежде чем войти в парилку. Это тоже обычай. Простой деревянный крестик на верёвочке лёг поверх сложенных портков.

– Сядь в кресло и ничего не бойся, – повторил строгий мужчина.

Юрий послушно опустился на мягкий стул, или кресло, как его назвал строгий мужчина. Весьма удобно и мягко, хоть на самом деле закрывай глаза и спи.

Резкий щелчок. Юрий дёрнулся, да только поздно. Руки, ноги, грудь и даже шею перехватили чёрные железные обручи. Не встать, не вывернуться, даже толком не дёрнуться.

– Что вы делаете? – испуганно закричал Юрий.

– Тебе нужно пройти санитарную обработку, – бросил строгий мужчина.

– Что-о-о? – Юрий отчаянно попытался выдернуть хотя бы руки.

– Стрижка, маникюр и педикюр. Совершенно бесплатно, – хохотнул второй мужчина, по виду несколько моложе первого.

– Что? – растерянно переспросил Юрий.

– Маникюр халявный, дурья башка, – более молодой мужчина вновь хохотнул.

– Игорь, – строгий мужчина бросил на более молодого сердитый взгляд, – он тебя не понимает.

– Это ещё почему?

Тот, которого назвали Игорем, удивлённо уставился на первого мужчину.

– Недобиток из дремучего леса, – пояснил строгий мужчина.

– А, понятно.

Словесная перепалка двух мужчин отвлекла Юрия, но ненадолго. Как же страшно чувствовать себя беспомощным. Да и слово «недобиток» не обещает ничего хорошего. Даже

хуже – подразумевает, что надо добить.

– Что вы делаете? – Юрий опять задёргался в большом мягком стуле, однако мужчины в белых одеяниях будто потеряли к нему интерес.

Между тем на руки и на ногё надвинулись странные чёрные коробки. Юрий попытался было оттолкнуть их хотя бы пальцами, да только бесполезно. В тот же миг к голове разом прикоснулось несколько холодных и твёрдых лапок. Над макушкой что-то тихо жужжало. От страха Юрий зажмурился. Неужели люди из Большого внешнего мира собираются его прикончить столь странным и непонятным образом?

Ничего не произошло. Точнее, Юрий чуть-чуть приоткрыл глаза, ничего большого. Да, пальцы рук и ног чувствуют, как по ним что-то елозит туда-сюда. Что-то холодное и тонкое, но не более того. От страха Юрий не сразу сообразил, что с его головы, под тихое жужжание, посыпались волосы. Кажется, будто макушку принялся обдуть прохладный ветерок. И, опять же, не больно, совершенно не больно. Юрий тихо перевёл дух. Люди из Большого внешнего мира всё же не собираются его убивать. По крайней мере, здесь, на этом стуле. Тогда, Юрий задумчиво нахмурился, что они с ним делают? Да и зачем?

Едва нервное напряжение несколько отпустило Юрия, а руки и ноги расслабились, как дело пошло быстрее и, прости господи, даже приятней. Первой закончилась стрижка. Юрий так и не понял, что сделали с его головой, но, очень похоже на то, волос у него больше нет. С руками и ногами пришлось несколько подождать. Наконец, странные железные коробочки отползли в сторону. Следом раздался щелчок. Чёрные железные обручи исчезли так же стремительно, как и появились.

Свободными руками Юрий тут же принялся щупать собственную голову. Точно – волос нет. Хотя, пальцы пробежались по макушке туда-сюда, что-то осталось, только весьма короткое. А руки? Юрий поднёс пальцы к глазам.

– Ого! – удивлённый возглас сам собой вырвался из груди.

– Что? Понравилось, – хохотнул Игорь.

– Ага, – Юрий кивнул.

Да и как оно может не понравиться? Такими чистыми, такими гладкими и аккуратными его ногти не были никогда. Исчезла даже вековая грязь, которую было невозможно выковырять из-под ногтей. А с ногами что? Юрий согнулся пополам. Ох ты! С ногтями на пальцах ног та же история – чистые, гладкие и аккуратные. Такими они не были даже после бани.

– А теперь выпей до дна, – потребовал строгий мужчина.

Рядом со стулом, на квадратной полочке, появился высокий белый стакан. Юрий насторожённо взял его. Сквозь тонкие стенки просвечивают пальцы. И что это? Юрий потянул носом. Очень странный почти незаметный запах. Вода – не вода, молоко – не молоко, что-то среднее.

– Пей, пей, не бойся, – ободрил строгий мужчина.

– Тебе понравится. Гарантирую, – вновь хохотнул Игорь.

Была, не была! Юрий поднёс стакан к губам. После того, как его чуть было не прирезали на этом мягком стуле, как-то глупо бояться, что теперь его отравят.

Первый осторожный глоток. Юрий провёл кончиком языка по губам. И в самом деле вкусно. Это не молоко, но и на обычную воду никак не похоже. Что-то ягодное или кислое, как капуста, но всё равно очень приятное. Тем более подкрепиться лишним не будет. Сомнения прочь, большими глотками Юрий осушил стакан до дна.

– Туалет вон там, – строгий мужчина махнул рукой в сторону

Какой туалет? Юрий поставил стакан обратно на полочку возле стула. Ответ не заставил себя ждать. В животе забурлило, заурчало, загрохотало так! Юрий, будто ошпаренный, соскочил со стула. Взгляд очень вовремя заметил небольшой проход в указанном направлении. В три шага Юрий заскочил во внутрь. Тут и в самом деле туалет, только странный... Плевать! Юрий бухнулся на очко и свесил ноги. В тут же секунду его прорвало так, как не прорывало ещё никогда в жизни.

Странные, странные, очень странные ощущения. Юрий в очередной раз подпрыгнул на очке. Да, бывало, и бывало не раз, что у него жутко болел живот. Обычно после свежих и не совсем чистых ягод. Бывало, нажрешься в лесу, а потом поленом из туалета не выгнать. Но чтобы так быстро, и, Юрий наклонил голову, так не больно? Удивительно.

Чудеса продолжают. Юрий пощупал руками. Да, это туалет, только не обычная деревянная полка с дыркой. Это что-то другое, несколько более удобное, белое и прохладное на ощупь, можно даже ноги подогнуть. Но тут Юрий опять чуть не подпрыгнул на очке.

Не отравили, и слава богу. Юрий на полусогнутых, и всё ещё голый, вышел из туалета.

– Я же говорил, тебе понравится! – мужчина по имени Игорь веселится во всю. – Теперь твой кишечник чист, как будто ты никогда не ел.

– Игорь, прекрати, – оборвал строгий мужчина. – Пить хочешь?

Наверно, это его спрашивают. Юрий кивнул.

– Подойти к креслу, там стакан полный.

Юрий осторожно подхватил с полочки всё тот же белый стакан с тонкими стенками. Но на этот раз в нём действительно вода, обычная вода. Юрий моментально осушил стакан. Просто вода без какого-либо вкуса. Ну и слава богу.

– А теперь тебе нужно помыться. Вон там, – строгий мужчина махнул в противоположную сторону, – душ.

– А что такое душ? – Юрий поставил пустой стакан на полку.

– Евгений Палыч, он же недобиток из леса дремучего. Откуда ему знать, что такое душ? – мужчина по имени Игорь мелко-мелко затрясся от смеха.

– Иди, иди, – Евгений Палыч не обратил на молодого мужчину внимания, только ещё раз махнул Юрий рукой. – Я включу воду на комфортную температуру. Что такое мыло и мочалка знаешь?

– Да, – Юрий сердито насупил.

Пусть он и в самом деле понятия не имеет, что такое душ, но это ещё не значит, что он никогда не слышал о мочалке и мыле. Сам господь требует, чтобы рабы его каждый субботний день приводили тело своё в порядок. Дабы в день воскресный они могли предстать перед ним с чистой душой.

В противоположной стене и в самом деле нашёлся ещё один проход. Признаться, душ Юрию очень понравился. Кажется, будто обильный дождь льёт прямо с потолка, но вода тёплая. Рядом, на полке, нашлись мочалка и кусок мыла. Только они совсем не такие, какими Юрий привык пользоваться у себя в бане. Мыло белое и пахнет очень приятно. Мочалка хоть и небольшая, зато ворсистая и мягкая. Основательно, и с большим удовольствием, будто завтра ему предстоит прислуживать отцу Кондрату на воскресной службе, Юрий намазлся мылом и ополоснулся под тёплым обильным дождиком.

Чистый и довольный Юрий вернулся в комнату с большим мягким стулом, то есть, креслом.

– Отлично, – глаза Евгения Палыча смотрят куда-то вниз. – Санитарная обработка закончена. Вон там халат и тапки. Одевайся.

Юрий проследил глазами в указанном направлении. Пока он мылся, на мягкой скамейке появился новый свёрток приятного серого цвета. Юрий развернул его. В руках и в самом деле оказался просторный халат с большими белыми пуговицами, а на пол шлёпнулись тапочки.

Невероятно, Юрий застегнул последнюю пуговицу на животе. Тонкая ткань необычайно приятная на ощупь. Ни одна женщина в Вельшино ничего подобного соткать не может. А, ну да, Юрий наклонился.

– Крестик оставь, – поспешно произнёс Евгений Палыч.

– Как это оставь? – Юрий растерянно уставился на обоих мужчин за стеклом. – Это же нательный крестик.

В свою очередь Евгений Палыч в растерянности обернулся к мужчине по имени Игорь.

– Оставь крестик здесь, – Игорь махнул рукой. – Тебе его вернут, потом. И одежду вернут, потом. Всю вернут. Вот увидишь.

В словах мужчины по имени Игорь кроется что-то странное и непонятное. Юрий положил нательный крестик обратно в ящик поверх портков. Вроде и правду сказа, а кажется, будто пытается обмануть. Впрочем, ладно. Ноги подцепили мягкие тапочки, Юрий распрямил спину и расправил плечи. Хилая обувь для работы не годится вовсе, но ходить в этих тапочках по гладкому полу одно сплошное удовольствие.

– Вы свободны. Вас проводят. Всего доброго, – на прощанье пожелал строгий мужчина по имени Евгений Палыч.

– Знай, парень: самое интересное только начинается, – мужчина по имени Игорь махнул рукой.

– До свидания, – в свою очередь вежливо попрощался Юрий, хотя больше всего ему хотелось узнать, когда же его покормят.

Чудно всё это. Юрий вышел в коридор, дверь мягко закрылась за ним. Ещё только сегодня утром он отправился с родителями на самую обычную, нудную и скучную воскресную службу. А вот о чём он никак не думал, так это о том, что уже днём его жизнь круто переменится, закрутится и завертится самым невероятным образом. Вон, Юрий бросил взгляд на закрытую дверь, его очень вежливо, но настойчиво, попросили оставить нательный крестик. А он и в самом деле оставил свой самый главный оберег. И это в месте, где, по словам отца Кондрата, полно бесовских машин.

– Юрий Сварин, следуйте за мной.

Да чтоб тебя, Юрий дёрнулся в сторону. Говорящая машина с тонкими руками и длинной шеей будто выпрыгнула из засады. Та самая, что привела его сюда? Или другая? А кто их разберёт. Юрий мысленно махнул рукой.

Говорящая машина повела Юрия дальше по коридору. Поворот. Ещё поворот. Вдоль стен тянутся всё те же безликие двери с непонятными надписями.

– Вам сюда.

Говорящая машина резко остановилась, Юрий чуть было не врезался в неё. Спрашивать, уточнять – бесполезно. Всё равно эта жестянка ничего не скажет. Юрий молча вошёл в распахнутую перед ним дверь.

Новая комната ещё чудней предыдущей. Вроде как, раза в два шире и длиннее, зато вся заставлена странными машинами. Каждая чем-то смахивает на длинную бочку на подставке, и, одновременно, выпуклый сундук. Да, именно сундук, ибо верхняя часть поднимается

словно крышка. Но это точно машины, у каждой из них горят разноцветные огоньки, а изнутри доносится басовитое гудение. Хотя, что странно, ни колёс, ни железных рук нет.

– Сюда проходи, сюда, – нетерпеливый женский голос оторвал Юрия от созерцания.

Женщина. В дальнем конце комнаты стоит женщина в белом платье с тонким кушаком на талии. Из-под подола выглядывают гладкие ноги в чёрных башмаках. У женщины длинные светлые волосы с завитушками. Можно подумать, будто ей нет и двадцати. Однако, Юрий подошёл ближе, становится понятно, что перед ним взрослая женщина, только очень усталая. Глаза опухли, кончики рта изогнулись вниз.

– Сюда ложись, – ладонь женщины с красными ногтями хлопнула машину с поднятой крышкой.

Юрий заглянул во внутрь, сердце на миг сжалось от страха. Неужели гроб? Да нет, не должно. Никаких грубо сколоченных досок или хотя бы гладкого лежбища. Зато внутри будто намалёван силуэт человека. Руки разведены в стороны и приподняты. Да и под головой что-то вроде подушечки. И зачем сюда ложиться?

– Халат сними, – потребовала уставшая женщина.

– Но, это..., – неуверенно было забормотал Юрий.

Раздеваться догола перед женщиной, даже ещё незнакомой. Это, вообще-то, очень неприлично.

– Делать мне больше нечего, как на тебя голого любоваться, – женщина будто прочитала мысли Юрия. – Сегодня много вас тут таких стеснительных ходит.

Пальцы сами принялись торопливо расстёгивать белые пуговицы. В голосе уставшей женщины дрожит и бурлит едва сдерживаемая злость. Того и гляди, кулаком в ухо даст. Юрий сбросил халат и голым полез в машину. Женщине действительно делать больше нечего, как любоваться на голого парня. Для неё это работа, каждодневная и набившая оскомину. Она устала, хочет есть и уйти домой. А вот что она точно не будет делать, так это сплетничать с бабами у колодца. Юрий устроился поудобней, руки и ноги легли как раз на рисунок человека.

Выгнутая крышка мягко опустилась. Что-то щёлкнуло. Вместе с темнотой и басовитым гудением Юрия вновь обнял страх. А вдруг? Паническая мысль стрельнула в голову. Он попытался было дёрнуться, но тут сознание погасло, словно свеча, что шлёпнулась на пол.

Так же стремительно Юрий пришёл в себя и распахнул глаза.

– А? Что? – Юрий резко сел прямо.

Вздых облегчения красноречивей кучи слов. Юрий нервно улыбнулся. Страхи развеялись. Крышка поднята, приятный мягкий свет будто обнял его. Следом пришло любопытство: а что это было?

– Очухался? Вылазь, свободен, – раздался рядом женский голос, но уже другой, не такой злой и усталый.

Юрий послушно выбрался из тёмного нутра машины. Ноги сами подцепили тапочки, а руки накинули на плечи мягкий халат. Другая женщина? Юрий развернулся.

Прежней злой и жутко уставшей женщины больше нет. Вместо неё в комнате со странными машинами Юрию приветливо улыбнулась другая. Она тоже взрослая, хотя, Юрий машинально застегнул все пуговицы, вернее будет назвать её старушкой. Да, на ней такое же белое платье, а на талии тонкий кушак, однако морщинистые руки, лоб и седые волосы выдают её далеко не юный, и даже не зрелый, возраст. Зато она вся такая подтянутая, моложавая и весёлая. Последнее особенно приятно.

– А где, это, – Юрий растерянно оглянулся.

– Одейся? Тогда иди, – торопливо произнесла старушка. – Много вас сегодня, много. Тебе всё объяснят.

С этими словами старушка замерла у бока другой машины. Её длинные белые пальчики принялись барабанить по тёмному боку то ли длинной бочки, то ли выпуклого, словно раздутого, сундука.

И вновь расспрашивать бесполезно. Юрий послушно поплёлся в сторону выхода. Удивительно! В Большом внешнем мире даже машины умеют говорить, однако живые люди почему-то не любят болтать. Вот и сейчас моложавая старушка в белом платье уже забыла о его существовании. Юрий грустно глянул на хмурое в задумчивости лицо старушки. И когда же, наконец, ему всё объяснят и покормят?

Кстати, Юрий остановился, руки пощупали живот. Странное дело – кушать больше не хочется. Вообще не хочется. Даже пить. Руки вновь пощупали живот. Кажется, будто он только что весьма основательно перекусил. Да, разве, может быть такое? И это ещё не всё. Юрий потянулся всем телом. А ещё упорно кажется, будто он весьма и весьма основательно выпался. Продрых целый день, не меньше. А это уже вообще полный бред, Юрий тихо рассмеялся. В той странной машине он пролежал всего ничего. От силы можно было бы раза три прочитать «Отце наш». Какое там выпался.

– Юрий Сварин, прошу следовать за мной.

За дверью та же самая, или очередная, говорящая машина с тонкими руками и длинной шеей повела Юрия по широкому коридору. Только сейчас он заметил, что окон нет. Впрочем, под потолком во всю сияют те самые квадратные рамы. Интересно, Юрий поднял глаза, что в них горит, раз получается такой сильный и красивый свет? Но, опять же, спросить не у кого.

– Прошу вас, присаживайтесь сюда. Ждите. Вас позовут, – произнесла говорящая машина.

– Спасибо, – Юрий послушно опустился на мягкий стул, руки сами легли на широкие подставки.

Говорящая машина лихо укатила на своих колёсиках. Взгляд лениво скользнул по сторонам, ещё одна просторная комната. Внешне она похожа на ту, где Юрий очутился, когда вошёл в этот высокий дом с пятью этажами. Впрочем, одно очень серьёзное отличие всё же имеется: полатей нет совсем. Не только у стены, но и по середине просторной комнаты тянутся ряды мягких стульев с широкими подставками для рук. Хотя, окон здесь тоже нет. Впрочем, они и не нужны. Многочисленные квадратные рамы на потолке заливают просторную комнату мягким светом. Одно плохо – пусто. Юрий устроился на мягком стуле поудобней. Не то что поговорить, поглазеть не на кого.

Чудный день, ещё более чудный и неожиданный Большой внешний мир. Сидеть на мягком стуле очень удобно, Юрий закрыл глаза. Он увидел столько всего разного и чудного, что устал удивляться. Даже хуже – устал задавать самому себе вопросы, а потом маяться из-за отсутствия ответов. Это просто бесполезно. Единственное, что он понял, так это то, что Большой внешний мир гораздо более сложный, трудный, даже запутанный, чем он мог себе представить. Здесь всё другое, здесь всё иначе. Дойти своим умом – не стоит льстить самому себе. Только и остаётся что ждать, плыть по течению, да ещё надеяться на лучшее. А пока ему опять предстоит маяться от скуки.

Яркий свет и тишина... Тишина и яркий свет... Юрий встал, прошёлся туда-сюда, сел на прежнее место. Потом снова встал, погулял ещё, пересел на другой мягкий стул. Как же

скучно быть одному. Как же медленно тянется время. «Благодатный мир» – само название внушает надежду и даже радость. Интересно, как скоро его и прочих односельчан переселят туда?

В третий раз Юрий поднялся на ноги. Особенно интересно, это как же их будут переселять? Что-то не похоже, что его собрали в дальнюю дорогу. Да, халат и тапочки весьма удобные, мягкие и тёплые, но для путешествия, особенно далёкого, явно не годятся. Да и нательный крестик ему ещё так и не вернули. И, вообще, когда вернут?

Грустно всё это, Юрий резко развернулся в проходе между рядами мягких стульев. Он чувствует себя безвольной щепочкой, которую звонкий весенний ручеёк тащит неизвестно куда. Беспомощность, вот что он чувствует. Грустно понимать, что здесь и сейчас от него ничего не зависит. Вообще ничего.

Усталости никакой, Юрий плюхнулся на мягкий стул. Однако он всё равно чувствует себя так, будто ему пришлось раз пять вычистить хлев из-под коров и овец. Труд – это радость. Ожидание – это мука. А это что такое? Пальцы нащупали странное утолщение на шее. Юрий тут же сел прямо. Нет, не показалось. Это не шишка, на синяк тоже не похоже. Однако на шее, почти под самым затылком, что-то появилось, что-то круглое и твёрдое на ощупь. Но шея, почему-то, не болит. Совсем не болит. Юрий задумчиво пошевелил пальцами. Если бы он не маялся от скуки, то ещё нескоро заметил бы эту..., эту странную штуку на шее.

Глава 8. Поздняк метаться

– Юрий Сварин, следуйте за мной.

Холодный стальной голос будто разбудил посреди ночи, но на этот раз Юрий просто поднял глаза. Перед ним всё та же, или очередная, говорящая машина с тонкими железными руками и длинной шеей. Похоже, эти машины только тем и занимаются, что указывают людям куда идти и что делать. А тонкие руки, пусть даже железные, только и годятся, чтобы ими махать. А какая разница? Юрий послушно поднялся на ноги. Поскорей бы всё это кончилось.

Через ещё одну дверь говорящая машина вывела Юрия из просторной комнаты на улицу.

– Уже ночь? – от удивления Юрий остановился.

В это трудно поверить, но снаружи день давно закончился. Пусть улица на чудо ярко освещена необычайно сильными светильниками на высоких столбах и крышах, однако над головой всё равно отлично видно тёмное небо с редкими тусклыми звёздами и рваными тучками. Да и воздух по ночному времени прохладен и свеж.

– Пожалуйста, не останавливайтесь, – всё тем же холодным голосом произнесла говорящая машина.

Юрий послушно тронулся с места. Холодный ветерок обдувает ноги и лезет стылými руками за шиворот. Особенно неприятно себя чувствует стриженная голова. Впрочем, Юрий поёжился, сейчас лето. Даже глубокой ночью он не замёрзнет. Если только простынет. Хотя и это вряд ли.

В ярком свете уличных светильников Юрий без труда разглядел просторную площадь. Под белыми тапочками шуршит всё та же твёрдая и пыльная корка. За спиной возвышается громада того самого пятиэтажного дома. В некоторых окнах горит свет, но в остальных царит темнота. Похоже, ему довелось пройти его насквозь. Площадь с железными заборами, где приземлился пузатый летун, должна быть на той стороне.

– Сюда, пожалуйста.

Тонкой железной рукой говорящая машина указала на другую машину. Ну, вообще! Юрий вновь остановился. Новая машина очень похожа на те две, что привезли сильно загорелых людей с красными точками на лбах. Тоже четыре колеса, широкая дверь, а по бокам сплошные стёкла. Хотя размерами она заметно скромнее, короче и ниже. Юрий поднялся по чёрным ступенькам. Внутри, вдоль стен, два ряда мягкой скамеек с наклонёнными чуть назад мягкими спинками. Юрий тут же присел на ближайшее. Взгляд сам собой устоялся в окно.

Говорящая машина уже лихо покатила обратно к дому в пять этажей. И что? Опять ждать? Эта машина нужна, чтобы возить людей, только пока она будто мёртвая, даже не гудит. Через распахнутую дверь во внутрь залетает прохладный ветер. И что дальше? Ответ нашёлся тут же.

На улице светло, как днём. Это только небо тёмное. Юрий сразу заметил, как в большом доме в пять этажей распахнулась ещё одна дверь. Точно такая же говорящая машина с тонкими руками и длинной шеей выкатилась наружу. А за ней потянулась толпа людей. Все как один стрижены наголо. Все как один в таких же, как у самого Юрия, серых халатах и тапочках. Лишь по росту и фигурам худо-бедно можно отличить взрослых от детей и подростков, а мужчин от женщин. Неужели это односельчане?

Увы, радоваться довелось недолго. Едва люди подошли ближе, как Юрий сразу узнал в них тех самых сильно загорелых людей. Вон, даже красные точки на лбу можно хорошо разглядеть. Хотя без своих странных одежд они уже не кажутся такими чудными. Сильно загорелые люди чувствуют себя очень неуютно, нервно дёргаются, растерянно поглядывают по сторонам и друг на друга. Даже дети, и те растеряли былую беззаботность. Однако, не смотря ни на что, все как один послушно зашли в машину и расселись по мягким скамейкам.

Дверь тихо закрылась, прохладный ночной ветерок тут же перестал обдувать голые ноги. Машина мягко тронулась с места. Сперва сильно загорелые люди молча пялились на Юрия, пока мужчина рядом с ним не заговорил. Но, увы, из его рта полилась какая-то тарабарщина. Юрий пытался, честно пытался, найти, угадать в его словах хоть какой-нибудь смысл. Но! Бесполезно. Всё бесполезно.

– Не понимаю. Не понимаю, – Юрий бессильно развёл руки.

Ещё несколько сильно загорелых мужчин и одна женщина попытались было заговорить с ним. Юрий вновь честно попытался уловить в их словах хоть что-то, но только вновь бессильно развёл руки. Скоро внутри машины на колёсах повисла тяжёлая тишина. Впрочем, это даже к лучшему, Юрий вновь уставился в окно.

Ого! Оказывается, кататься на машине тоже приятно, хотя и не так интересно, как летать. Впрочем, Юрий опёрся ладонями о стекло, и сейчас есть на что посмотреть. Даже не верится, что ночь может быть такой светлой, ну или так хорошо освещённой.

Не то, чтобы Юрий привык, а принимал как само собой разумеющееся, что ночью темно. Время от времени ему приходилось ходить по деревне после заката. Обычно, едва Солнце скрывалось за горизонтом, как землю окутывала тьма. Ладно, если на небе яркую Луну и звёзды не закрывали толстые тучи. А так гораздо чаще приходилось брести по улице едва ли не на ощупь. Лишь в окнах соседских домов можно было заметить тусклые огоньки. Единственное, что выручало, так это смоляная лучина, ну или хороший факел, если ему нужно было добраться до противоположного конца деревни.

Здесь и сейчас Юрий сделал ещё одно потрясающее открытие. Оказывается, Большой внешний мир ярко и щедро освещён. Именно так, ярко и щедро. Машина на четырёх колёсах бойко катит прочь от дома в пять этажей, однако темней не становится. Те самые длинные и высокие дома с жёлтыми воротами на торцах тоже очень даже хорошо освещены. Квадратные светильники на крышах и стенах буквально заливают белым сиянием дорогу и редкие зелёные лужайки. Светло настолько, что под колёсами машины можно разглядеть даже самую маленькую и коварную ямку или камень. Впрочем, как раз камней на дороге нет совсем. Пыльная твёрдая корочка сама как камень, хотя во многих местах её пересекают трещины.

Только, куда его везут? Юрий нахмурился. Переселение уже началось? Или ещё нет? Мимо плавно проскочил один торец длинного дома, следом ещё один. А там, дальше, третий. С небес, из брюха летуна, они кажутся большими, а с земли так вообще огромными и очень странными. исполинские окна по бокам сверкают словно вода в полнолуние. Серые стены сложены из невероятно длинных и широких кирпичей. И как только люди построили эти, эти, Юрий на миг замялся, эти громадины. Все эти огромные серые кирпичи даже на вид очень тяжёлые.

Интерес к чудесам за окном вновь улетучился, Юрий тихо вздохнул. Его опять куда-то везут, только всё равно не верится, что это и есть обещанное переселение в какой-то «Благодатный мир». В одном халате на голое тело и в тапочках? Юрий расстегнул верхнюю

пуговицу. А ещё ему так и не вернули нательный крест. Будто и этого мало, с соседями не поговорить. Сильно загорелые люди с красными точками на лбах о чём-то в полголоса говорят друг с другом. Смешно даже: до этого дня, точнее, до этой ночи, Юрий даже не подозревал, что на свете живут люди, которые не говорят на русском языке. Вообще не говорят.

Плавно, но всё равно достаточно резко, машина свернула в сторону. От неожиданности Юрий ткнулся лбом в стекло. Неужели приехали? Очень похоже на то. Машина подъехала к торцу очередного длинного дома и остановилась. Жёлтые ворота в одну створку не распахнулись, как было ждал Юрий, а с лязгом отъехали в сторону. Машина без остановки вкатила во внутрь.

Ну это вообще ни в какие ворота не лезет. Лениво и про себя отметил Юрий. Но тут машина плавно развернулась и остановилась. Далеко-далеко, к невидимой с этого места задней стене, тянутся высоченные и широкие штабеля... Юрий замялся. Это не дрова и не брёвна. Это нечто похожее на толстые и длинные бочки из железа, что сложены штабелями до самого потолка. Между ними оставлены широкие проходы.

– Юрий Сварин, – упал с потолка холодный металлический голос, – пожалуйста, выйдете наружу.

Ему выйти? Юрий поднял глаза на серый потолок. Но зачем? Что он здесь забыл? Здесь даже не видно мягкий стульев с подставками для рук, на которых ему приходилось сидеть и чего-то ждать. Впрочем... Юрий послушно поднялся с мягкой скамейки и вышел из машины.

Все тот же холодный металлический голос с потолка машины на колёсах прогготал что-то ещё. Юрий не понял ни слова. Зато машину на колёсах прекрасно поняли сильно загорелые люди с красными пятнами на лбу. Следом за Юрием они все вышли наружу. Дверь захлопнулась, машина плавно развернулась и укатила прочь. Последнее, что Юрий успел заметить, как жёлтая створка ворот задвинулась обратно.

И что теперь? Понятно что, Юрию стало грустно. Не прошло и минуты, как откуда-то из-за штабелей железных бочек выскользнула говорящая машина с тонкими руками на длинной шее.

– Юрий Сварин, прошу следовать за мной, – произнесла говорящая машина и тут же загототала на непонятном языке.

От толпы сильно загорелых людей отделился мужчина. Явно старик, лицо всё в морщинах, а некогда красное пятно на лбу сильно полиняло. Юрий едва сдержал неуместную улыбку. Борода и волосы не так давно делали его очень важным и солидным, теперь же он похож на испуганного ребёнка, несуразно высокого, бритого и лысого. Мужчина напряжённо озирается по сторонам, того и гляди даст стрекоча. Ничего подобного. Как и Юрий, давно немолодой мужчина явно предпочёл покориться судьбе. Хотя, возможно, он знает, куда попал и что будет дальше.

Между тем говорящая машина покатила вперёд. Первым с места тронулся немолодой мужчина. Юрий мысленно махнул на всё рукой и пошёл следом за ними. Толпа сильно загорелых людей осталось на месте. По гвалту легко догадаться, насколько же они все взволнованы. На миг Юрий обернулся, однако тронуться следом так никто и не решился. Обернулся и немолодой мужчина. Удивительно, Юрий торопливо отвёл глаза. Этот сильно загорелый человек по-русски ни бельмеса не понимает, однако он всё равно похож на старосту Немеева, второго по важности, после отца Кондрата, человека в Вельшино.

Говорящая машина свернула в ничем не примечательный проход между высоченными и

длинными штабелями железных бочек. Юрий окончательно растерялся. Куда их ведут и что будет дальше – ни малейшего представления. С каждым шагом происходящее всё больше и больше кажется бредом, дурным сном. Однако, Юрий ущипнул себя за нос, проснуться упорно не получается.

Вблизи удалось несколько лучше разглядеть те самые железные бочки, что сложены громадными штабелями. На самом деле они не круглые, будто стёсанные по краям, зато плотно прилегают друг к другу. У каждой дверца, чем-то похожая на поддувало печи. Или даже на выдвижные ящики, если скобки и есть ручки, за которые их вытягивают наружу. И огоньки. На торце каждой бочки разноцветные огоньки.

Юрий поднял глаза, голова едва не закружилась. Кажется, будто он угодил в невероятно огромную и не такую уж и широкую канаву. Лишь сверху видна крыша длинного дома, да яркие светильники, что не дают здесь воцариться вечной тьме. И зачем, спрашивается, всё это великолепие? А ведь можно предположить, что и прочие длинные дома с жёлтыми воротами в одну створку на торцах так же под самую крышу заставлены подобными штабелями железных бочек.

Юрий настолько устал удивляться, настолько устал ломать голову над необъяснимым, что не сразу заметил, как говорящая машина с длинными руками на тонкой шее привела их к ещё одной чудной машине. На этот раз она чем-то похожа на горку со стёсанной вершиной. Наверно, для полной несуразицы, сверху установлен хилый забор из тонких железных прутьев. На вершину машины ведёт широкая лестница.

А это, Юрий сощурился... Да, глаза его не обманули. На стёсанной вершине машины-горы уже знакомые машины с четырьмя железными руками и четырьмя ногами. Именно такие таскали бесчувственных односельчан в Вельшино. Да ещё одна машина несколько меньше первых двух. Сколько у неё пар рук и зачем она вообще – не понять.

Машина-гора полностью перегодила проход между штабелями железных бочек. Да, по бокам остались щели, но в них едва ли можно просунуть руку. Два больших чёрных колеса впереди намекают, что эта машина-гора умеет ездить. И зачем? Зачем всё это? Язык аж горит от желания спросить, только Юрий всё равно промолчал.

Говорящая машина с тонкими руками и длинной шеей загоготала. Юрий бросил на неё взгляд. Это она о чём? Однако немолодой сильно загорелый мужчина её понял и тут же послушно принялся взбираться по широкой лестнице на машину-гору. Чувствуется, за версту чувствуется, как этот человек жутко взволнован. Его ноги будто ватные и едва не ломаются на ходу, а руки дрожат. На загорелом лице проступили красные пятна. Кажется, будто и без того немолодой мужчина враз превратился в дряхлого старика.

И что дальше? Юрий повернулся к говорящей машине. И ему подняться следом по лестнице на машину-гору? Однако болтливая машина молчит, да и вообще замерла на месте, будто сдохла. Юрий пожал плечами. Раз никто ничего от него не требует, значит, пока нужно стоять на месте, молчать и смотреть.

– Во дают! – от удивления Юрий подался назад.

Оказывается, стёсанная вершина с хлипким железным заборчиком подвижная. Едва немолодой мужчина забрался на неё, как машина-гора тихо загудела. Вершина тут же устремилась вверх. Блестящие металлические столбы, которые непонятно каким образом становятся длиннее, толкают вершину с хлипким железным заборчиком всё выше и выше. Чудеса, да и только. Хотя, конечно, Юрий лишь качнул головой, он просто понятия не имеет, как всё это работает.

Стёсанная вершина улетела едва ли не под самый потолок. Юрий задрал голову, но, увы, что там происходит, разглядеть снизу никак не возможно. Не стоит даже пытаться.

Ладонь машинально потёрла шею, пальцы вновь нащупали странную круглую штуку. Чем дальше в лес, тем больше дров. Чуйка не просто чует, а орёт благим матом. Непонятно как, но Юрий понимает, что его путешествие по Большому внешнему миру, по такому сложному и непонятному, вот-вот закончится. Да, он ни хрена не понимает, но это не значит, что за всеми этими делами нет какого-то смысла. Смысл есть, только какой?

Или, Юрий вновь задрал голову, этого сильно загорелого мужчину сейчас запихнут в одну из этих железных бочек? Не, бред. Опять, опять и опять всё возвращается к одному: если бы люди и машины Большого внешнего мира хотели бы его убить, то они сделали бы это ещё там, в Вельшино. Это просто и понятно. Но вести за тридевять земель, стричь налысо, мыть и переодевать, чтобы потом запихнуть в железную бочку? Это глупо и совершенно непонятно. Тогда зачем? Зачем всё это?

Страх прошёл, любопытство испарилось, терпение закончилось. Зато появилась злость. Юрий нервно сжал кулаки. Так и хочется схватить эту болтливую железяку за тонкую шею, потряхнуть как следует, стукнуть, а потом потребовать объяснить, какого чёрта здесь творится. Только бесполезно всё это, Юрий разочарованно фыркнул. Машины железные, они не дышат и боли не чувствуют. Зато в ответ могут шарахнуть голубой молнией. И тогда, Юрий поднял голову, он не сможет делать единственное, что ещё может делать – наблюдать. Только так он сможет узнать хоть что-то новое. А там, дай бог, он сможет и понять.

За спиной шелест и скрип. Юрий развернулся. Ещё одна машина. На этот раз её можно назвать машина-кровать, или машина-лежанка. Да, именно машина-лежанка. К широкой и длинной полке приделаны колёса. И всё, нет ни рук, ни глаз ни подобия рта, головы на тонкой шее и той нет. Только зачем она здесь? Что, или кого, она будет перевозить?

Додумать Юрий не успел, машина-гора вновь тихо загудела. Блестящие столбы начали уменьшаться, стёсанная вершина с хлипким заборчиком пошла вниз. Юрий аж извёлся от нетерпения. Смотреть, смотреть и ещё раз смотреть. Однако, Юрий так и замер на месте, сильно загорелого мужчины с точкой на лбу больше нет. А куда он делся? Будто и этого мало, машина с четырьмя руками неторопливо, но весьма ловко, спустилась по широкой лестнице. Она несёт... Юрий отступил назад. Страх прошёлся по коже холодными иглами, а сердце ухнуло в пятку.

Машина опустила на машину-лежанку тело, чьё-то тело. Пусть оно укрыто простынёй с тёмными сырими пятнами, однако под тонкой тканью можно легко угадать руки, ноги, тело и голову. Неужели?

Надо бы рвануть без оглядки! А там будь, что будет! Однако Юрий лишь слабо дёрнулся. Ужас сковал по рукам и ногам. Да что же здесь происходит? Что это за изуверский способ убивать людей? Впрочем, Юрий слабо пискнул, это не он. Да, точно не он, страх несколько отпустил. Под простынёй с большими мокрыми пятнами может быть кто угодно, но только не тот сильно загорелый мужчина с красной точкой на лбу. Покойник заметно меньше ростом. Главное, его руки и ноги слишком тонкие, будто его специально морили голодом до полного истощения. Сквозь тонкую ткань проступили рёбра. Этого человека и в самом деле заморили голодом? Только, опять же, зачем? Зачем такие сложности?

Между тем машина-лежанка укатила вдаль по проходу между высоченными штабелями железных бочек. Машина-гора вновь загудела, только на этот раз она медленно и неторопливо покатила в другую сторону. Юрий, без напоминания говорливой машины,

тронулся за ней следом. Болтливая машина и та, что с четырьмя руками, тоже не остались на месте.

Голова сейчас треснет от напряжении! Юрий вновь ущипнул себя за нос, до боли, до визга. Но нет, это не сон и не бред. Даже для сна тут слишком много чего непонятного и откровенно странного, если не сказать ещё хуже – глупого. Тогда, чёрт побери, что здесь происходит?

– Юрий Сварин, поднимитесь на платформу, – холодным стальным голосом произнесла болтливая машина с тонкими руками.

Что? Где? Как? Юрий тряхнул головой, будто скинул сонное наваждение. Пока он тут тихо сходил с ума, машина-гора остановилась. Кажется, Юрий осторожно оглянулся, от прежнего места она отъехала довольно далеко. Если сперва проход между штабелями железных бочек казался далёким и узким, то теперь он вообще превратился в чёрную полосу. Насколько же этот дом длинный? Сколько же раз родное Вельшино может в него влезть полностью?

– Юрий Сварин, поднимитесь на платформу, – терпеливо повторила болтливая машина, для наглядности одна из её тонких рук указала на машину-гору.

Теперь понятно, что такое «платформа» и где она находится. Юрий повернулся к широкой железной лестнице, что ведёт на стёсанную вершину машины-горы. И всё равно страшно. Рука осторожно коснулась холодных перил, а кажется, будто они раскалены докрасна. Или возмутиться? Или даже полезть в драку? Дурные мысли заметались в голове испуганной крысой. Но, Юрий поднялся на первую ступеньку, поздняк метаться. Раньше нужно было драться и бежать. Раньше. А теперь только и остаётся уповать на Господа бога.

Ноги едва-едва сгибаются в коленях. Юрий с трудом, будто он столетний дед, поднялся на так называемую платформу. Следом по широкой лестнице прогрохотала та самая машина с четырьмя железными руками. И что теперь?

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/49o>